

Тем, что эта книга дошла до Вас, мы обязаны в первую очередь библиотекарям, которые долгие годы бережно хранили её. Сотрудники Google оцифровали её в рамках проекта, цель которого – сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Эта книга находится в общественном достоянии. В общих чертах, юридически, книга передаётся в общественное достояние, когда истекает срок действия имущественных авторских прав на неё, а также если правообладатель сам передал её в общественное достояние или не заявил на неё авторских прав. Такие книги – это ключ к прошлому, к сокровищам нашей истории и культуры, и к знаниям, которые зачастую нигде больше не найдёшь.

В этой цифровой копии мы оставили без изменений все рукописные пометки, которые были в оригинальном издании. Пускай они будут напоминанием о всех тех руках, через которые прошла эта книга – автора, издателя, библиотекаря и предыдущих читателей – чтобы наконец попасть в Ваши.

Правила пользования

Мы гордимся нашим сотрудничеством с библиотеками, в рамках которого мы оцифровываем книги в общественном достоянии и делаем их доступными для всех. Эти книги принадлежат всему человечеству, а мы – лишь их хранители. Тем не менее, оцифровка книг и поддержка этого проекта стоят немало, и поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые меры, чтобы предотвратить коммерческое использование этих книг. Одна из них – это технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас:

- **Не использовать файлы в коммерческих целях.** Мы разработали программу Поиска по книгам Google для всех пользователей, поэтому, пожалуйста, используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- **Не отправлять автоматические запросы.** Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого рода. Если Вам требуется доступ к большим объёмам текстов для исследований в области машинного перевода, оптического распознавания текста, или в других похожих целях, свяжитесь с нами. Для этих целей мы настоятельно рекомендуем использовать исключительно материалы в общественном достоянии.
- **Не удалять логотипы и другие атрибуты Google из файлов.** Изображения в каждом файле помечены логотипами Google для того, чтобы рассказать читателям о нашем проекте и помочь им найти дополнительные материалы. Не удаляйте их.
- **Соблюдать законы Вашей и других стран.** В конечном итоге, именно Вы несёте полную ответственность за Ваши действия – поэтому, пожалуйста, убедитесь, что Вы не нарушаете соответствующие законы Вашей или других стран. Имейте в виду, что даже если книга более не находится под защитой авторских прав в США, то это ещё совсем не значит, что её можно распространять в других странах. К сожалению, законодательство в сфере интеллектуальной собственности очень разнообразно, и не существует универсального способа определить, как разрешено использовать книгу в конкретной стране. Не рассчитывайте на то, что если книга появилась в поиске по книгам Google, то её можно использовать где и как угодно. Наказание за нарушение авторских прав может оказаться очень серьёзным.

О программе

Наша миссия – организовать информацию во всём мире и сделать её доступной и полезной для всех. Поиск по книгам Google помогает пользователям найти книги со всего света, а авторам и издателям – новых читателей. Чтобы произвести поиск по этой книге в полнотекстовом режиме, откройте страницу <http://books.google.com>.

ГЕЛЮДОРА.

ГЕЛЮДОРА,

ИЛИ

ГРЕЧАНКА, ИГРАЮЩАЯ НА ЛЮТНЬ.

Соч. Г-на. ЛИНДАУ.

Переводъ съ Нѣмецкаго.

154104.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФИИ ЛАЗАРЕВЫХЪ
ИНСТИТУТА ВОСТОЧНЫХЪ ЯЗЫКОВЪ.

1833.

Ст 16477

Печаташь позволяешся
съ пѣмь , чтобы по оппечатапаніи предспав-
лены были въ Ценсурный Комитетъ при
экземпляра. Москва, Октября 24 дня 1832
года.

Ценсоръ Левъ Целтасвъ.

ГЕЛІОДОРА.

КНИГА ТРЕТІЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

«Онъ приближается, часъ грознаго
»открытія приближается! Облака
»сгущаюшя вокругъ главы моея, и
»свѣтъ въ семь мракъ будетъ мол-
»нїя, которая меня уничтожитъ! . . .
»Одинъ образъ является за другимъ и
»каждый грознѣе напоминаетъ мнѣ про-
»шедшее время? . . . Когда явится по-
»слѣдній? . . . На небо указывала рука
»умирающаго? Священная пѣнь! Еже-
»либы пы примирилась продолжи-
»тельной и тайной грустію сокру-
»шеннаго сердца моего?» —

Такъ разговаривалъ самъ съ собою Принцъ Бонари, прохаживаясь взадъ и впередъ по комматъ, послѣ разговора съ Лорензо, и стараясь разсѣять мысли, волнующія душу его. Садовникъ явился къ своему господину на другое утро послѣ смерти незнакомца, и сообщилъ ему все, что зналъ объ немъ. Онъ разсказалъ, что недѣли за двѣ передъ тѣмъ, вечеромъ нашелъ незнакомца лишеннаго силъ на дорогѣ, и взялъ его къ себѣ въ домъ, гдѣ состояніе его день ото дня спавовилось хуже, до прибытія дочери. Онъ продолжалъ описывать подробно все происшествія, коихъ мы были свидѣтелями, и кончилъ замѣчаніемъ, что отецъ и дочь разговаривали на незнакомомъ языкѣ, и упоминалъ о подобныхъ обстоятельствахъ, кои показались ему спранными. По всему этому Принцъ долженъ былъ заключить, что ошибся въ своемъ первомъ успрашающемъ подозрѣніи на счетъ незнакомца; но

ню, что онъ узналъ, не объясняло таинственнаго явленія. Слова умирающаго, опять сей неизвѣспности, сдѣлались для него мучительной загадкой. — Все зависло опять того, чтобы найти Геліодору, но всѣ освѣдомленія объ ней были безуспѣшны; никто не видалъ ее послѣ несчастнаго случая, прервавшаго ея пѣніе. Принцъ въ тотъ же день послалъ вѣрныхъ служителей по окрестности, давъ имъ Лорензово подробное описаніе дѣвушки; но всѣ возвратились, не узнавъ ничего о подобной особѣ. Одинъ только рыбакъ Раньеро думалъ найти въ описаніи женщину, видѣнную имъ въ карепѣ, остановившейся не подалеку опять его хижины, въ ночь смятенія. — Слабый свѣтъ сей съ другой стороны показывалъ новыя затрудненія, новыя сомнѣнія.

Состояніе Ангелики съ тѣхъ поръ мало поправилось. Вилла, бывшая за нѣсколько дней передъ тѣмъ шумнымъ

храмомъ радости, сдѣлалась безмолвна какъ жилище смерти. Въ задумчивости бродилъ Принцъ и избѣгалъ своего сына, спрашась, чпобы онъ не попросилъ изъясненія темныхъ выраженій, испоргишихся недавно изъ сокрушенной груди его. — Гвидо изнемогалъ подъ бременемъ горести своей, а когда вспоминалъ о сихъ словахъ, и воображалъ съ пылающими ланишами, что есть виновникъ сихъ спрадавій, по спѣшилъ къ отцу своему и пребывалъ сообщенія сей пайны. Сынъ мой! отвѣчалъ сей съ мрачнымъ видомъ, ожидай отъ времени разрѣшенія оной! мнѣ кажется, оно уже приближается. — Всѣ, до послѣдняго служившя въ домѣ, раздѣляли общую печаль и спрадали съ почтенными господами; каждый, казалось, умолялъ встрѣчающагося ему сказать оправданное слово о состояніи Ангелики, и попуплялъ взоры, когда печальное молчаніе другаго возвѣщала ему прошивное. Та изъ женщинъ Ангелики, которая знала

пайное сношеніе своей госпожи съ Ринальдомъ, начала подозрѣвать, что шумъ должно быть болѣе, нежели обыкновенная любовная связь, и хошя не понимала случившагося, но думала, что сіе сношеніе имѣеть вліяніе на несчастное положеніе ея, и немало мучилась о участи, къ порое въ немъ имѣла.

Въ это время принесла Беаша Геліодорино письмо, писанное изъ замка Франческа и посланное къ пей, попому что Геліодора не могла знать точнаго мѣста пребыванія Ангелики. Оно попало въ руки стараго Принца, который, не распечатавъ, положилъ его къ споронъ, пока соспоаніе Ангелики позволитъ вручитьъ его ей самой. Его собственное внутреннее соспоаніе скоро испребило возсавшее любопытство, и онъ, уже совершенно забывъ о письмѣ, не прежде о немъ вспомнилъ, какъ недѣлю спустя, возвращаясь однажды ошъ посѣщенія Ангелики въ свою

комнату, гдѣ увидѣлъ его, лежащимъ на прежнемъ мѣстѣ. Больная уже нѣсколько дней вспала съ постели, но была еще очень слаба. Онъ оставилъ ее одну и вскорѣ опять пошелъ къ ней съ письмомъ.

Она сидѣла и читала лежавшія предъ нею бумаги, съ такимъ участіемъ, что едва замѣтила вошедшаго Принца. Письмо, которое онъ ей подаль, по необыкновенной надписи его, показалось ей столь же страннымъ какъ и Принцу: она, распечатавъ оное, провила его прочесть вслухъ. Глаза мои отказываютъ еще свои услуги, сказала она, и я передъ симъ щепетно старалась, для разсѣянiя прочесть нѣкоторыя сочиненiя моей юности.

Онъ началъ читать. Послѣ первыхъ слрковъ Принцъ остановился въ изумленiи, потомъ продолжалъ тихимъ голосомъ: „Ангелика, не шрепещеть ли

твое сердце? не порывается ли ко мнѣ? — »Во срѣщеніе къ тебѣ! прервала Ангелика, къ тебѣ! гдѣ бы ты не была! О покажите мнѣ почеркъ сей руки, копорая съ шакимъ жаромъ схватываетъ мою руку. Она взяла письмо и пречла его еняшь съ начала; но когда дошла до того мѣста, гдѣ прервала Принца, яю онъ ономнился опѣ глубокаго размышленія: О покажите мнѣ, опкуда пронзходяшь сїи слова, кои меня споль сильно поражаютъ? онъ продолжалъ чпеніе и при словахъ: «Ибо ты несчастна — ты не смѣешь любить возлюбленнаго, а должна любить того, кого не любишь, — »Ангелика поблѣднѣла и зашашалась на своемъ мѣстѣ. Принцъ посмошрѣлъ нѣсколько секундъ въ молчаніи на нее, попомъ прочелъ письмо до конца. За симъ послѣдовало продолжительное молчаніе. Онъ сидѣлъ съ поникшей головой; она закрывала лице руками. Наконецъ онъ приближилъ

ся къ Ангеликѣ и сказалъ съ участіемъ: И пакъ вы несчастны, любезная моя? я не хочу проникать въ вашу пайну, но ежелибы вы удоспоили меня вашей довѣренности, по бы я все сдѣлалъ, чпобы соспавишь ваше счастье.... Вы никогда не слыхали объ эпой Геліодорѣ? — Никогда, никогда! и я не понимаю словъ ея! опвѣчала Ангелика съ видимымъ замѣшательствомъ. — О въ нынѣшніе дни происходитъ много непонятнаго и чудеснаго! возразилъ Принцъ. Можеть бытъ дѣвушка ложно увѣдомлена.... Но чпо значишь это похищеніе? Я вижу ипунъ ужасный умысль, коего случайной жертвой сдѣлалась бѣдняжка. — Серена была ея мапъ? сказалъ онъ, помолчавъ. Знали ли вы эпу Серену? — Она была близкая мнѣ родственница, несчастная, копорую долго оплакивали въ кругу родныхъ ея; возразила Ангелика, и рассказала ему несчастную участь Серены.

Принцъ , увидомивъ ее о смерти отца , котораго Геліодора поручала ей попеченію , оставилъ ее въ великомъ волненіи . Теперь , хопя и могъ онъ изъяснить себѣ шемныя слова умирающаго незнакомца , но въ груди его оставалось сомнѣніе и боязливое предчувствіе ужасной развязки . Ахъ , ежели бы я избавился отъ сей терзающей неизвѣстности ! восклицалъ онъ . Довольно долго помился я въ семь мучительномъ ожиданіи . Ежели я долженъ погибнуть , то пусть вдругъ развернется ужасная пропасть и поглотитъ меня ! — Ему казалось , что Геліодора прешерпывала участь , уготованную Ангеликѣ ; иногда усмапривалъ онъ въ семь несчастіи произведеніе рукъ обиженнаго врага своего , а иногда соперникъ сына его казался виновникомъ онаго . — Соспояніе Ангелики весьма его прогало ; свидѣтельство въ письмѣ Геліодоры , только подтверждало подозрѣніе , которос онъ

уже возымѣлъ по многимъ обстоятельствомъ, что Ангелика съ отвращеніемъ дала свою руку сыну его, и ему казалось вѣроятнымъ, что ея отвращеніе было слѣдствіемъ прежней любви. — Онъ успокоилъ свои опасенія увѣренностію, что Ангелика слишкомъ чувствуетъ свое достоинство, чтобы не перенести съ твердостью положенія, въ которое судьба ее повергла, и что она наградитъ любовь Гвидо привязанностію и вѣрностію. — Но въ сію минуту образъ Геліодора владычествовалъ въ душѣ его и невольно присоединялся къ темнымъ картинамъ, пробуждающимся во глубинѣ оной. Спасеніе ее изъ непріятнаго положенія, было теперь для него первымъ занятіемъ; но она то забвенію не означила мѣста пребыванія своего, а можно было только догадываться, что она должна быть недалеко отъ того мѣста, откуда пришло нѣско. Принцу, по его влі-

янію , левко было приняты мѣры для ея освобожденія.

Письмо не менѣе поразило Ангелику. Соображая все обстоятельство , ей казалось , что Ринальдо съ намѣреніемъ похитилъ Геліодору. Повѣствованіе Сабины ясно показывало , что онъ по возвращеніи изъ путешествія познакомился съ сей дѣвушкой , а описаніе Раньеро о проводникѣ той женщины , которую онъ видѣлъ спящую въ каретѣ , теперь , казалось , ей еще болѣе сходствовало съ Ринальдомъ , когда она въ письмѣ Геліодоры думала найти точное подтвержденіе своего подозрѣнія. Теперь явился ей Ринальдо не только вѣроломнымъ , но и злобнымъ развращеннымъ невинности ; сердце ея обливалось кровью при мысли , что другъ , коего благородству души вѣришь , сдѣлалось ей необходимою , оказалъ себя столь подлымъ. Иногда воспавалъ тайный голосъ въ

сердцѣ ея, защищавшій невинность друга; но слова письма ясно возвѣщали вину его. Не говоритъ ли она сама, что ее похитилъ попъ челоувѣкъ, который видѣлъ ее на морскомъ берегу? Она по видимому думаетъ, что Ринальдо со мною — но онъ могъ не сказать ей своего имени? . . . Кипо знаетъ гдѣ недостойный содержитъ дѣвушку и угрожаетъ гибелью неопытной — и ахъ, можешь быть скоро забудешь, что для него пожертвовала я спокойствіемъ души! — Такъ говорилъ предубѣжденный умъ ея, и послѣднія/ниши, связующія ее съ Ринальдомъ, готовы были распоргнуться.

Когда порывы перваго впечатлѣнія утихли, она спокойное разсуждала о своемъ положеніи, укрѣпляла себя въ швердомъ нвмѣреніи, которое по возвращеніи памяти безпрестанно носилось въ душѣ ея, и осыпала себя безъ пощады горчайшими упреками.

Она думала, что никогда не сможешь достаночно загладить покаянием ни извинить даже сильнѣйшею справстїю то преступленіе, что хотѣла разорвать священныя узы; она вѣрила, что Ангелъ хранитель ея невинности углоповаль случай, спасшїй ее отъ ужаснаго свершенїя онаго.

Старый Принцъ, спустя два дни послѣ посѣщенїя имъ Ангелики, получилъ записку, въ коей узналъ почеркъ слабой руки Ангелики, и увидѣлъ, что можно полагаться на возвышенную душу, хотя скрываютъ ее иногда переходящїя тѣни; но въ минушы разсудка она показывается въ числомъ видѣ своемъ. Она писала: «Вы сдѣлали мнѣ выговоръ за то, что я не имѣла къ вамъ довѣренности; я бы хотѣла доказать вамъ, что желаю заслужить вашу. Между мною и вами будетъ истина.

Да! я любила и думала, что сія любовь сославитъ счастье моеѣ жизни. Но это не должно было исполниться; моя мать умерла, а съ ея смертію началось мое оправданіе. Вамъ извѣстно какъ познакомился со мною Гвидо. Я уступила желанію вашего семейства и моихъ родственниковъ, и даже починила долгомъ пожертвовать лучшею надеждою моего сердца, соединенію споль многихъ благородныхъ людей. Сердце мое обливалось кровію, и Богъ свидѣтель, какъ я боролась со страстію. Я мнила преодолѣть ее силою добраго намѣренія, но могущество ея покорило меня, когда уже близъ цѣли готовился мнѣ мученическій вѣнецъ! Возлюбленный мой давно уже уговаривалъ меня бѣжать съ нимъ; теперь только рѣшилась я и согласилась на его желаніе. — О ежели бы я могла выразить вамъ, съ какими чувствами писала письмо, содержащее сіе согласіе. Долгъ и совѣсть вопіали спро-

ривъ голосомъ , но сладоспные при-
манчивые звуки спраспи заглушали
ихъ вопль , а ужасъ являющейся гроз-
ной будущности гналъ меня къ без-
днѣ. — Смятеніе , въ несчастный ве-
черъ было успроено моимъ любез-
нымъ и долженствовало споспшщсп-
вовать моему похищенію. Я чпту вы-
спную десницу , испоргшую меня опъ
погибели!

Вопъ пресупленіе, въ коемъ я ви-
новна. Не хочу хвалиться спюю , ко-
порой не имѣю ; я хопя и укромпила
спраспъ , но еще не побѣдила ее. Дни
гореспша и перенесенных спраданія
возвратили мнѣ разсудокъ; я могу спо-
койно взглянуть на чувства свои , и
спаратюсь твердо основать миръ свой.—
Не опшмайше опъ меня своей опе-
ческой руки ; поддержите сокрушен-
ную, будыпе на всю будущую жизнь
душеводителемъ и предоспергапел-
лемъ моимъ! Я чувспвую обязанность

свою къ супругу моему , и твердо знаю , что Гвидо , чрезъ сію обиду , получилъ сугубое право пребывать опъ меня счастія своей жизни. Я предоспаваю вашему рѣшенію , должна ли я ему самому сдѣлать признаніе , которое вамъ шеперь дѣлаю , и сіе униженіе перенесу съ кающимся сердцемъ. «

Нѣтъ , благородная , несчастная женщина ! воскликнулъ душевно распротанннй Принцъ; шы довольно поспрадала ! шы чище и безпорочнѣе шысящей , кои никогда не сражались проптивъ сильной спрасши или , сражаясь , были побѣждены !

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Между тѣмъ какъ глубокой мракъ скрывалъ образъ Ринальда въ душѣ Ангелики, онъ давно уже находился близъ нее. Тотчасъ послѣ своего прибытія узналъ онъ, какой несчастный конецъ имѣло для Ангелики предпріятіе похищенія. Жилъ маленькаго домика, который онъ прежде часто посѣщалъ; потому что изъ онаго былъ прекрасный видъ на морской заливъ, разсказалъ ему опчаспи, что происходило въ Виллѣ Ормонделли со времени суматохи. Онъ ошлся въ семъ домѣ, а когда наступила ночь, то пошелъ въ садъ замка, желая найпи случай поговорить съ горничной Ангелики. Все было безмолвно; всѣ окна шой споро-

ны, гдѣ онъ споялъ, были темны; только въ концѣ спроеія мерцалъ слабый свѣтъ. Распроганное сердце говорило ему, что это комната больной Ангелики. Глаза его устремились на окно и наполнились слезами. Онъ видѣлъ несчастную, лежащую на постель, слабую, блѣдную, видѣлъ мупные глаза ея, лице обезображенное судорожными движеніями, слышать болѣзненные стоны, вырывающіеся изъ груди ея, — Увы! каждый вздохъ разперзаннаго сердца ея обвинялъ его. Пораженный сими мыслями, ходилъ онъ нѣсколько времени, предсавляя себѣ соспоянiе Ангелики въ мрачнѣйшихъ краскахъ и дѣлая себѣ жестокіе упреки. — Разумѣется, , что повѣспвова- шель не могъ ему ничего сказать о ея отношеніи къ Гвидо — Ринальдо думалъ, что намѣреніе ея бѣжашь сдѣ- лалось извѣстно, и содрогался о по- ложеніи несчастной.

Долгое время щещно ожидавъ горничной, опть коей надѣялся лучшаго извѣстія, взглянулъ онъ еще разъ печально на окно, и возвратился домой. — Часпо еще оглядывался онъ назадъ; ему казалось, что навсегда расщается съ Ангеликой. Мысль, съ копорой онъ уже нѣсколько познакомился, что она шеперь невозвратно для него потеряна, снова объяла его. — Сначала намѣреніе его было оснащаться въ деревни, пока Ангелика выздоровѣетъ и онъ найдетъ случай ей все пересказать; но онъ перемѣнилъ его, чтобы не подать подозрѣнія, и въ ту же ночь отправился въ Неаполь. — Каждый вечеръ ходилъ онъ шуда, и всегда возвращался съ лучшимъ извѣстіемъ, копорое умѣлъ получить онъ хозяина своего неподозрительными вопросами; но никакъ не могъ застать повѣренной горничной, и спокойствіе его было непрочно.

Однимъ вечеромъ, возвращаясь въ городъ, сидѣлъ онъ одинъ въ своей комнатѣ ; вдругъ шумъ скоро расплывшейся двери выводилъ его изъ задумчивости , и Францеско находилъ въ его объятіяхъ. Ты здѣсь , Ринальдо ? говоришь онъ по краткомъ молчаніи — а она исчезла изъ моего замка ! — Кто ? Геліодора ? прервалъ скоро Ринальдо. — Геліодора ? спросилъ Францеско въ удивленіи. Тупъ послѣдовало изъясненіе ; Францеско уведомилъ , что уже не засталъ Геліодору , и не могъ нигдѣ отыскать слѣдовъ ея , когда возвратился въ свой замокъ изъ путешествія къ морю , гдѣ по условію долженъ былъ пригоспозитъ корабль для перевозки любящихся въ Англію ; сіе неожиданное извѣстіе повергло его въ величайшее безпокойство ; онъ чувствовалъ необходимость говорить съ Ангеликою на счетъ Геліодору , а извѣстія , кои онъ имѣлъ о сословіи

больной, не дозволяли надѣяться увидѣть ее.

Непріятное обстоятельство возбудило опасенія его друзей. Они узнали, чть слухи носятся будто преваго во время брачнаго торжества Принца, была дѣломъ его соперника и что довольно явно называли Ринальда. Антонио подозрѣвалъ, что проболтался одинъ изъ его служившелей, на коего съ нѣкотораго времени онъ уже не полагался. Антонио равно какъ и Францеско, просилъ своего друга какъ можно скорѣе обезопасить себя опъ шоль сильнаго прошивника, каковъ Принцъ. Я въ вашемъ спрахъ вижу шолько заботливостъ дружбы, сказалъ Ринальдо, но я шперь не могу удалиться, что бы ни случилось со мною. Онъ доказывалъ имъ, что самъ Принцъ, ежели сіи слухи до него дойдуть, не можешъ ничего основательно доказать; а ежели захочешъ употребить

силу, тогда еще будетъ время избѣгнущь оной. Вы сами осудили бы робкаго, ежели бы я хопѣлъ бѣжать, когда мнѣ угрожаетъ только пустой страхъ.

Оставшись одинъ съ Францеско, испытаннымъ повѣреннымъ самыхъ тайныхъ помышлений его, сей послѣдній сказалъ съ жаромъ, схватя руку его: Нѣтъ, другъ мой, твое положеніе не совсѣмъ безопасно. Ты не знаешь, какъ сильныя мстятъ своимъ врагамъ, ты никогда не видѣлъ въ близи, какъ употребляютъ они иногда свое вліяніе.— Но ты стоишь не одинъ, я обниму тебя обѣими руками — и я также не совсѣмъ безсиленъ. Для тебя, какъ для всякаго, коего умъ шворитъ и сойдася, нѣтъ чужбины — и ежели рокъ тебя изгонитъ, по наши сердца и на самыхъ сѣверныхъ берегахъ будешь спольже сильно и съ такимъ же жаромъ другъ для друга бшпся, какъ

подъ симъ прекраснымъ небомъ! Пораженный силою сихъ благородныхъ словъ, Ринальдо бросился въ объятія друга. Францеско! братъ мой! вскричалъ онъ, прижавъ его съ пламенными взорами къ разстроганному сердцу. Нѣтъ! мы не забудемъ клятвы любви!— Францеско, помнишь ли ны ту минупу, когда мы въ Египтѣ спюли на большой пирамидѣ и смопрѣли въ низъ на развалины славнаго міра? Солнце взошло и привѣщивовало сихъ древнихъ знакомцевъ. Чувство безсмертія пробудилось въ груди нашей; *вѣрно!* вскричали мы, побѣжденные великимъ зрѣлищемъ симъ; взоры наши вспрѣпились, объятіа распростерлись. *Вѣрно, какъ наша любовь!* почувствовали и сказали мы оба въ сію высокошоржезтвенную минупу. — Онъ умолкъ, Францеско прижалъ его крѣче къ груди своей, и они въ восторгъ наслаждались симъ воспоминаіемъ. Нѣтъ! сказалъ снова Ринальдо, мы не забудемъ

объѣла любви! ты его славно доказалъ; я не хочу завлечь себя въ свои несчастія. Ежели судьбѣ угодно, чтобы я распался съ сей любезной странной, гдѣ испыталъ сполько блаженства и горести,— то пусть такъ будетъ! я чувствую, что оставляю здѣсь сердца, въ коихъ не перестану существовать. Правда, я также долженъ отпоргнупься отъ пріятнаго впечатлѣнія—но не глупецъ ли я! бывъ недавно обманушь въ лучшихъ надеждахъ своихъ, я уже опять хватаюсь за новыя. — Все новыя, и опять новыя! прервалъ его Францеско. Я читаю въ швоемъ сердцѣ; ты еще не находилъ, а теперь только нашелъ шихое небесное существо, которое дружески разрѣшилъ тебѣ загадки сердца швоего: — Ты напомнилъ мнѣ шоржественную минушу, продолжалъ онъ, и я напомню тебѣ пріятное явленіе изъ нашей жизни. Помнишь ли ты веселую женщину между прямо-

душными гостеприимными Аравишлянами? Она сидѣла съ мужемъ своимъ передъ палашкою за простой шрапезой; они вспали и ласково пригласили насъ къ себѣ. Ты любовался прекраснымъ мальчикомъ, сидѣвшимъ у ногъ ихъ на рогожѣ, и ласкалъ его. Эпо первый, данный мнѣ Лейлой, сказалъ мужъ, когда она побѣжала въ палашку за зрѣлыми финиками и молокомъ. Онъ продолжалъ съ веселой откровенностью: Многимъ милымъ дѣвушкамъ нашего плѣмени спарался я понравиться силою руки и пріятнымъ разговоромъ; — но я легко переносилъ, ежели не нравился ихъ взорамъ, пока нашель сѣю женщину. — Тушь показалося мнѣ, что повсюду слышу веселый голось: *Это она!* — Мы быди пронупы испиной сего чувства, и говорили о счастливой будущности, когда и мы, покоясь въ шѣни насажденныхъ нами деревъ, покажемъ про-

хожему подругу нашей юности, и скажемъ: *это она!*

На другой день, когда Ринальдо опять пошелъ въ селеніе, его ожидало пріятное извѣстіе, что Ангелика въ-рочно выздоровѣла, ибо все семейство черезъ нѣсколько дней возвратился въ городъ. Хозяинъ сказалъ еще между прочимъ, что видѣлъ Гвидо, скачущаго черезъ поле; это обстоятельство показалось Ринальду благопріятнымъ для его желаній, и онъ велѣлъ доложить о себѣ опцу. Съ уваженіемъ, приличнымъ имени Хіаронди, пріобрѣтшемъ славу художника, принялъ онъ его въ то самое утро, когда получилъ записку Ангелики. Когда Ринальдо изъяснилъ все, что хотѣлъ сказать на счетъ Гелиодоры, то Принцъ отвѣчалъ: Я сей часъ хопѣлъ идти къ моему невѣсткѣ по сему же дѣлу, ей пріятно будетъ слышать все отъ васъ самихъ. — Ринальдо ожидалъ сего

предложенія , и послѣдовалъ препенущими спонами за Принцемъ. Легкой препенеть объялъ его , когда Принць , отворивъ дверь Ангеликой комнаты, велѣлъ ему идти впередъ. Она спояла у окна, проптивъ входа , погруженная въ задумчивость. Вспревоженная шумомъ оборачивается видить Ринальда, содрогається, и упадаетъ безъ чувствъ. Онъ подбѣгаетъ , схватываетъ падающую и относитъ ее на близъ сполцій диванъ — Ангелика ! моя Ангелика! восклицаетъ онъ съ живѣйшимъ выраженіемъ , и сжимаетъ ее крѣпко въ своихъ объятіяхъ. Попомъ спановишся на колѣна и прижимаетъ губы къ опустившейся рукѣ ея. Проснись! говоритъ онъ, и прости , прости невинному ! — Въ сію минуту вбѣгаетъ Гвидо; дико вращаются глаза его , губы дрожатъ. А! несчастный! кричитъ онъ , бросаясь къ Ринальду. Отецъ удерживаетъ его въ своихъ объятіяхъ ; Ринальдо вскакиваетъ. Прежде

поможемъ здѣсь, говоришь онъ, указывая на Ангелику, потомъ говоришь со мною какъ прилично, и я дамъ вамъ отвѣтъ. — Между тѣмъ подоспѣли служивельницы и опнесли Ангелику въ ея спальню. — Легкомысленный юноша! сказалъ Принцъ Ринальду, какое несчастіе ты причиняешь! — Гвидо споялъ въ испусленіи бѣшенства, кулаки его сжимались. — Мщеніе! мщеніе! закричалъ онъ Ринальду, только въ крови своей можешь оно ушолиться! Я знаю чего можете вы претовашь опъ меня, возразилъ послѣдній, и хопя счастье возвысило родъ вашъ, а мой осудило на зависимость и неизвѣстность; — но и я считаю благородныхъ предковъ также какъ и вы. — Гвидо опомнился и сказалъ: И шакъ — жизнь за жизнь! — Не дѣлай опрометчиваго шагу! прервалъ отецъ. — И самая опсложная разсудительность сдѣлала бы его, отвѣчалъ Гвидо. Или я долженъ подашь дружески руку къ примиренію

тому, который хотѣлъ похищить жену мою? Только кровь можешь испре-
битьъ воспоминаніе о такомъ злодѣя-
ніи, и я бы не былъ достоинъ васъ,
башюшка, ежели бы попустилъ шакъ
помрачить честь свою, не опмспивъ
за оную.

Опець, видя, что Гвидо обо всемъ
увѣдомленъ, опустилъ сложенные ру-
ки и воскликнулъ, поднявъ взоры къ
небу: Еще новая горестъ! . . . Слищ-
комъ поздно! Идите къ исполненію
ужаснаго дѣла, я слишкомъ слабъ, чшобъ
удержать васъ опъ того, куда влечетъ
васъ предопредѣленіе. Но—Гвидо! еже-
ли бы вы могъ почувствовать страхъ,
объемлющій насъ послѣ ужасной ми-
нушы рѣшенія, вы бы подаль руку
къ примиренію. Онъ удалился опъ
нихъ; оба назначили время и мѣсто,
и распались до кровопролитнаго сви-
данія.

Опасенія друзей Ринальда были не безъ основанія. Гвидо получилъ изъ Неаполя безъимянную записку: Чѣмъ онъ имѣеть соперника, котораго вѣрояно причиною ночнаго нападенія, и чѣмбы онъ изслѣдовалъ хорошенько.— Сначала она сдѣлала мало впечатлѣнія на него; онъ по справедливости почелъ ее за злобное подспирѣканіе недостойнаго человѣка; но искра, брошенная въ грудь его, мало по малу разгоралась. Прѣжнее подозрѣніе, чѣмъ Ангелика его не любила, съ сугубою силой поразило его; онъ вспомнилъ странность ночнаго нападенія, и мучительнѣйшія сомнѣнія колебали его. Въ семь состояніи пришла ему несчастная мысль, прислушавшись къ горничной дѣвушкѣ своей супруги; съ грозною важностію допросилъ онъ ея, которую мы уже знаемъ, и она призналась, чѣмъ Ринальдо имѣеть свободный доступъ въ домъ маркезы Ормонделли, чѣмъ онъ составилъ планъ по-

хищенія , о чемъ увѣдомилъ ее , подъ печатію молчанія , слуга Антонія , съ коимъ она давно имѣла любовныя связи. Сего извѣстія довольно было для Принца, а она радовалась, что избѣжала признанія въ участіи ея въ семь дѣлъ.

Состояніе, въ которое повергла Гвидо сія увѣренность , было ужасно. Въ первомъ пылу гнѣва хопѣлъ онъ бѣжать въ комнату бѣдной спрадалицы, и облегчить свое сердце жесточайшими упреками. Къ счастью она вышла въ садъ; онъ бросился на лошадь и поскакалъ въ поле , а когда по возвращеніи домой узналъ о присудствіи Ринальда , то ярость его нашла предметъ, коего искала.

Я достигъ своего Рубикона , Францеско ! Съ сими словами вошелъ Ринальдо къ своему другу. Завира ты будешь мнѣ нуженъ.—Что ты? спро-

силъ сей съ предчувствіемъ. — Ты несправедливо думалъ о Принцѣ, сказалъ Ринальдо; онъ можетъ быть вспыльчивъ, но не изъ числа подлецовъ, коихъ шайныхъ съшей должно опасаться. Обращаясь грудь пропивъ груди, вынемъ мы изъ темной урны жребій смерти. Францеско схватилъ его руку и сморгнулъ ему нѣсколько минутъ молча въ глаза. Другъ мой! — продолжалъ Ринальдо, опивчая на поташіе руки его, другъ! важныя мысли занимають шеперь душу мою!

Во весь день занимался онъ распоряженіями, кои сей важный шагъ дѣлалъ нужными; и какъ во всякомъ случаѣ онъ долженъ былъ оставить сію спрану, по вечеръ былъ шрогательнымъ празднествомъ союза для круга друзей. Послѣ полуночи распались они, и, какъ будшо внушаемые однимъ духомъ, опправились къ морскому берегу. Ясное, усѣянное звѣзда-

ми небо , отражалось на гладкой поверхности моря , тысячи воспоминаний , тысячи предчувствий возбудились въ пѣсносоединенныхъ друзьяхъ , полныя сердца ихъ изливались въ громкихъ радостныхъ пѣсняхъ .

ГЛАВА ТРЕТІЯ.

Заря занималась, когда Ринальдо, въ сопровожденіи Антонія и Францеско, проѣзжалъ Виллу Ормонделли. Ясность, распространяющаяся по безоблачному небу, благоуханія, несущіяся имъ на встрѣчу, возвѣщали день, опредѣленный крѣпкою природою для умноженія каждой радости бытія, по которому враждебные челоѣки хотѣли встрѣпить кровавою бишвою.

Съ горесѣпнымъ чувствомъ взглянулъ Ринальдо на окно Ангелики. Никогда уже не думалъ онъ увидѣшь любезную; взоръ его остался устремленнымъ на блестящія снѣжка, пока высокіе тополи скрыли бѣлющіяся спѣ-

ны замка. Съ чувствомъ разсѣивался онъ съ каждымъ мѣспомъ споль знакомой спраны; Порпици, Геркуланумъ, Помпейя, доставлявшіе ему споль изобильныя и доспойныя наслажденія во время его пребыванія въ Неаполь, находились уже за ними. Такъ проходящъ всѣ оппѣнки жизни, началъ Ринальдо, а *мы?* Мы даемъ имъ *проходить*, прервалъ Францеско, и шопъ можещъ почеспѣ себя счастливымъ, кпо, не соврапясь съ своей спези, остановилъ нѣкоторыя изъ нихъ, удержалъ скороспечныя, и превратилъ ихъ въ сильныя постоянныя виды. — Жизнь большой часпи людей ни чпо иное какъ Кипайскія пѣни, произведенныя постороннимъ свѣспомъ изъ за раскрашенныхъ кусковъ спекла, и они въ бездѣйственной радоспи, подобно дѣшямъ пропягивающъ руки къ движущимся на стѣнѣ кукуламъ. Ты правъ, сказалъ Ринальдо. А сколько изъ нихъ недоспойны бла-

гопріятныхъ общошпельсшвъ, въ кон
счаспіе ихъ поставило ; между шѣмъ
какъ судьба окружаешъ ничпожноспя-
ми шого , чью грудь воздымаешъ жи-
вѣйшее побужденіе къ высокому и ве-
ликому, и оспавляешъ его изнемогашъ
въ мученіяхъ Таншала. Хорошо гово-
ришь, пусть великій геній самъ обра-
зуешъ свой міръ ; конечно образуешъ
онъ его себѣ , но дай же ему шакой ,
копорый бы не совсѣмъ былъ неспо-
собенъ для его дѣшельности. — Мы
не можемъ жаловашъ на счаспіе ,
оно помѣспило насъ въ богапый, жи-
вый міръ , но и мы не праздно зѣвали
на шѣни , и можемъ сказащъ : Не все
съ нами умрешъ !

Наконецъ доспигли они мѣспа наз-
наченнаго для поединка ; эшо была не-
большая долина, не далеко опъ Кавы ;
они оспановились передъ развалившимся
домомъ при входѣ въ лѣсъ , проспи-
равшійся между горъ. Вскорѣ прибылъ

и Гвидо съ своими провожатыми. — Поспавивъ служителейъ при входѣ, обѣ стороны пошли въ темный лѣсъ, гдѣ назначили мѣстомъ сраженія, открытое мѣсто, сквозь лиственный сводъ коего проходило нѣсколько солнечныхъ лучей.

Царствовала торжественная тишина. Въ безмолвіи подошли друзья, и, окружая тишею каждаго изъ нихъ, слабымъ голосомъ произносили прощаніе. Легкой прелестью объялъ ихъ обонихъ. — Ринальдо схватилъ руки друзей своихъ, и сказалъ съ умиленіемъ: Вы хотѣли проводить меня до сей темной границы — прощайте! Узы, насъ соединяющія, простираются за сію границу!

Въ безмолвіи объялъ онъ друзей. Мы опомнимъ за тебя, ежели ты падешь! сказалъ Антоніо. Для любви нашей, прошу васъ, оставьте эту мысль! возразилъ Ринальдо, вы знае-

те, какъ мы всегда мыслили о подобныхъ дѣлахъ.. Неиспово сражаешься за обыкновенныя ничтожности. Кипо былъ призванъ во свидѣтели грозной расправы, пощъ не долженъ злобствовать, а пусть возьмешь се важное впечатлѣнiе съ собою въ жизнь, гдѣ оно можешь произвести добро.

Проводники Гвидо пачали звать, и когда Ринальдо обнялъ своихъ еще разъ, то друзья обѣихъ споронъ, по условiю, удалились шакъ далеко, чшо сражающiеся едва остались у нихъ въ виду.

Началось жаркое сраженiе. Ринальдо щопчась во впоромъ нападенiи былъ глубоко раненъ. Сшой! сказалъ онъ, и когда кровь полилась, вопкнулъ спокойно шпагу въ землю, и завязалъ плапкомъ раненную руку. Щопомъ опять взялъ оружье, и сказалъ: Дальше! до кроваваго ршенiя! однако —

продолжалъ онъ, опустивъ шпагу и подошедъ ближе къ противнику — такъ какъ одинъ изъ насъ долженъ настъ, по сдѣлаемъ эпошъ важный шагъ безъ злобы. Мы не можемъ избѣгнуть предъопредѣленія ; но теперь, пока еще время, одно благоразумное слово можетъ доставивъ оставшемуся покойнѣйшую будущность, и доставивъ его вспоминать дружески о падшемъ. — Знаете ли вы мои прежнія сношенія съ вашей супругой? Я не знаю ничего, опивъчалъ Гвидо, прохладившійся уже нѣсколько, какъ только то, что вы меня жестоко обидѣли, чувствительнo оскорбили мои права. — Ежели вы хотите говорить объ оскорбленныхъ правахъ, возразилъ Ринальдо, то я оскорбилъ то, которое даже вамъ церковь ; но вы напротивъ оскорбили право, данное мнѣ любовью. Вы не могли не замѣтить, что Ангелика дала вамъ руку свою съ расщербаннымъ сердцемъ ; я самъ былъ

свидѣпелемъ сей жестокой минушы и видѣль, какъ вздохъ спѣсенной груди ея опвѣштвовалъ благословенію священника. — Вы были довольно невеликодушны, чпобъ приняшь жерпву, рѣшившуюся со слезами и сердечной шпоской уступитъ желанію примиренія шо, чпо любовь опдала бы любви. Сей счастливецъ, пріобрѣтшій любовь ея за долго передъ шѣмъ какъ вы узнали сію дѣвицу, ешь—я! . . . Я былъ сей счастливецъ, коему слѣдовалъ обѣщъ , произнесенный вамъ. Сами въ нѣсколько разъ подавали мнѣ случай видѣть Ангелику , когда я уже почти опказался опъ надежды къ шому. Спраспъ въ груди моей возрастала опъ сихъ посѣщеній и сдѣлалась пожирающимъ пламенемъ. Я уговаривалъ ее избавитъся бѣгшвомъ опъ устрашающаго союза ; она съ благочеспивымъ спрахомъ пропивилась мнѣ. Наконецъ согласилась , но тогда уже не можно было предупредитъ обспоя-

пелльспва , чпобы благословеніе церкви не дало вамъ правъ , кои оно должно бы давалъ только шамъ , гдѣ они уже основаны на обоюдномъ согласіи. Могли ли мы уважить его, будучи споль близко къ цѣли? Знаете ли вы всемогущество любви? Тупъ разсказалъ онъ распоряженія къ похищенію и неудачное исполненіе онаго, потомъ продолжалъ : Чшо я оскорбилъ или хотѣлъ оскорбить ваши права — за што дайте мнѣ взять съ собою прощеніе ваше въ могилу и примите мое прощеніе за уничтоженіе лучшихъ надеждъ моихъ !

Между шѣмъ какъ Ринальдо говорилъ, Гвидо споялъ съ поникшею главою , а иногда смотрѣлъ своему противнику въ глаза. На лицѣ его видна была горесць , а не злоба и дикая яресць : онъ схватилъ предлагаемую Ринальдомъ руку. — Я не почитаю васъ за низкаго человекъ , а вижу въ

нашемъ положеніи только игру судьбы. — Она зовешь ! возразилъ Ринальдо съ мрачною важностію. — Болѣе-нежные чувства, произведенныя въ груди Принца словами послѣдняго, раздражили его вспыльчивый нравъ, да и Ринальдово хладнокровіе исчезло отъ полученной раны, и отъ живо предсавившейся мысли, сколь многого лишилъ его Гвидо. Сраженіе сдѣлалось жесточе нежели сначала; Гвидо спалъ нападари и тотчасъ получилъ легкую рану, которая удвоила его горячность. Новый ударъ, на который онъ набѣжалъ, сразилъ его. Ринальдо подскочилъ, поддержалъ его, сорвалъ платокъ съ руки своей, чтобы остановить кровь. Друзья приблизились, а лѣкарь, котораго привели съ собою провожаемые Гвидо, осматривалъ раненаго. Ударъ пронзилъ грудь подъ правымъ плечемъ; рана казалась не опасною. — Ринальдо положилъ, его на

мишиспый пригорокъ и, споя на колыняхъ, поддерживалъ голову его.

Въ сію минуту поспѣшно приближается женщина, за копорую слѣдуетъ медленнѣе ея провожатый. Ринальдо узналъ Ангелику. Эпо была она; старый Принцъ хотѣлъ испытать все, чтобы воспрепятствовать поединку, и открылъ положеніе дѣла Ангеликѣ, когда она пришла въ чувство. Онъ предсказалъ ей, что тщетно было бы стараться укротить гнѣвъ Гвидо увѣщаніями; и такъ они рѣшились слѣдовать за нимъ, и на самомъ мѣстѣ сраженія Ангелика должна стараться соединить враждующихъ, посредствомъ своего вліянія на обоихъ. Слуга Гвидовъ увѣдомилъ отца о мѣстѣ, и, нѣсколько минутъ послѣ отъѣзда сына, онъ поспѣшилъ за нимъ съ Ангеликой.—Боже! мы опоздали! вскричала она, подходя къ окровавленной группѣ, и бросаясь возлѣ Гвидо на зем-

лю. О вы ужасные мушны, или вы такъ спрашитесь жаднаго размышленія, что едва принявъ пагубное намѣреніе, потчасъ спѣшите къ исполненію онаго? Когда лѣкаръ кончилъ перевязку, окружающіе удалились, исключая Принца, и Ангелика начала такъ: при всѣхъ моихъ спрданіяхъ, вы хотѣли еще обременить меня убійствомъ? Вы оба увѣряли меня въ любви своей, а однако хотѣли погубить меня? Гвидо, и такъ вамъ извѣсна несчастная шайна? Будьте моимъ судьбою!—Я любила сего юношу, прежде нежели имѣла обязанности къ вамъ, и можетъ бытъ, была бы счастлива съ нимъ, ежели бы, послѣдуя гласу спраспи, удалилась въ такую спрану, гдѣ только любовь рѣшаетъ тѣснѣйшее соединеніе судьбы нашей. Но я внимала высшему гласу, и пожертвовала собою, дабы испребишь воспоминаніе обиды, которую блаженныя тѣни, получившія ее, уже давно проспили; дабы при-

мирить ненависть, гошовую переходить
 отъ одного рода къ другому невин-
 ному попомству. Мнѣ казалось дол-
 гомъ пожертвованъ своей любовью
 для шоль благороднаго дѣла.—Ахъ! въ
 хладныхъ словахъ, коими я эпо гово-
 рю, вы не чувствуваете какой горести
 спило эпо моему сердцу! Одинъ Богъ
 видѣлъ, съ какимъ усердіемъ я спара-
 лась подкрѣплять себя къ исполненію
 должностнн. — Можете ли мнѣ поста-
 вить въ пресшупленіе, что на границѣ
 чловѣчества прешущая нога моя
 поскользнулась? Можете ли наказать,
 за то, что долго припаемая любовь не
 пошчасъ испребилась изъ сердца мо-
 его? Гвидо, я васъ жестоко оскорбила;
 —ахъ, и въ смерпный часъ мой бу-
 дешъ меня еще мучить упрекъ, что
 я соглашалась нарушить право, данное
 вамъ Богомъ усшамн его служншеля
 на священномъ мѣстѣ. . . .

Можете ли вы мнѣ прешить это?
 Ч. II. 3

проспишь когда либо *это* слабому, борющемуся сердцу? — Она посмоиръла въ глаза Гвидо; онъ шихо взялъ ея руку и прижалъ къ своему сердцу. Попомъ она вспала и подошла къ Ринальду, сидѣвшему по другую сторону ея супруга. Ринальдо! сказала она, мы не были опредѣлены другъ для друга; въ сію минушу мы на вѣки разлучаемся! Прощайте! Эпо послѣдній поцѣлуй, который даешь вамъ любящая, а сіе пожатіе руки, первое получаемое опъ друга. — Ангелика казалась не земною и была пакъ благородно вдохновенна, чпо Ринальдо не опважился обнять ея рукою, когда ея нѣжныя ушна коснулись щекамъ его. — Теперь всѣ прежнія узы разпоргнушы, продолжала она возвышеннымъ голосомъ, садясь возлѣ Гвидо — теперь я со всѣмъ швоя! *Да*, которое при олтарѣ произнесла прошивъ сердца своего, теперь произношу его громко и радосшно на семъ ужасномъ мѣспѣ,

облагренномъ кровію благороднѣйшихъ мужей. Я швоя, мой Гвидо! швоя на вѣкъ! Примешь ли ты эшо сердце, которое съ горячностію прижимаю къ груди швоей?—моя Ангелика, воскликнулъ Гвидо, обнявъ ее съ нѣжностію лѣвой рукою.

А шеперь — начала опяшь Ангелика послѣ короткаго молчанія, шеперь ешь еще одно сердце, достойное бишься подлѣ нашихъ,—оно должно прижашься къ груди швоей, Ринальдо! мой Гвидо хочешъ дашь вамъ поцѣлуй мира. Гвидо обернулся къ нему и они долго пребыли въ объятіяхъ другъ друга. Я виновень во всемъ несчастіи, сказалъ онъ медленно, просшите! я васъ многого лишилъ. Дайше мнѣ заслужишь вашу дружбу!—Эта превосходная женщина и эша минуша приобрѣли вамъ ее! возразилъ Ринальдо съ глубокимъ чувствомъ. Ангелика наклонилась къ нимъ, положила правую руку на Гвидово а

лѣвую на Ринальдово плечо, — ежели вы сдѣлались друзьями, сказала она съ блестящими взорами, по я шорже-ствую лучшее время своей жизни!

Включите и меня въ союзъ вашъ! вскричалъ приближаясь спарый Принцъ, смотрѣвшій съ великимъ учаспiемъ на все происходившее. Да будешь онъ успѣшенъ, и да не зашмишь никогда мрачная туча восходящаго пеперь для васъ солнца! Дайте мнѣ поцѣловать дорогую руку вашу, любезная посланница мира! Вы разсѣяли мрачную горестъ, пятапившую мою душу! Эпо мѣсто нѣкогда оросилось и моей кровью; здѣсь сразился я съ благороднымъ Монкадiемъ. — Я взираю на эпошу чудесный случай, какъ на мановенiе, слыше возвѣщающее прощенiе всѣхъ обидъ, какъ на прекрасное предвѣщанiе для будущей жизни нашей. — А вы, сказалъ онъ обращаясь къ Ринальду — вы благородный человекъ, потому что Анге-

лика васъ любила , вы не можете на насъ досадовать, что мы похитили у васъ этого ангела , который одинъ могъ свершить споль благодѣтельное, священное дѣло. Я также прошу о вашей дружбѣ ! будьте счастливы ; ищите между прекрасными дочерьми сей страны, и хопя не найдете впророй Ангелики, но конечно найдете себѣ доспойную невѣсту. — Хопя несчастный, у коего море поглотило послѣднюю надежду , въ первые минуты горести успремляетъ дикіе взоры на волны, возразилъ Ринальдо, но вскорѣ подымаешь ихъ къ небу, и не обвиняя спихію, покоряется Высшей Волѣ. — Могъ ли я остаться покойнымъ при такой потерѣ ? Могъ ли не быть потрясенъ во всемъ сущесствѣ моемъ , видя себя такимъ образомъ оставленнымъ ? Никогда не забуду я сей потерю; но я слишкомъ уважаю великость души этой почтенной женщины, чтобы не принять съ радостію прекрасный даръ, предлагаемый вами.

Провожатые опять подошли, чтобы отвести Гвидо къ каретѣ ; а между тѣмъ какъ готовились къ отъѣзду, Ринальдо подошелъ къ Ангеликѣ и сказалъ : Я не могу расстаться съ вами не объяснившись о несчастномъ вечерѣ ; вы бы можетъ быть сохранили подозрѣніе для меня весьма мучительное. — Потомъ рассказалъ онъ, какъ все произошло. Принцъ уже дорогою сообщилъ ей свои догадки, что Геліодора вѣроятно увезена ошибкою, а когда она сообщила ему подробнѣе распоряженія и условія, то онъ доказалъ ей, что Ринальдовы друзья должны были схватить Геліодору вмѣстѣ Ангелики. Хотя многое оставалось еще необъясненнымъ, однако она не могла не почувствовать тайной радости, получа новыя причины считать Ринальда невиннымъ и вѣрнымъ; теперь когда собственнымъ его повѣствованіемъ въ шомъ увѣрилась, то глаза ея заблещали истиннымъ удовольствіемъ.

Ахъ! сказала она ему, вы не знаете сколь велико было мое мученіе въ тѣ ужасныя минушы, когда я видѣла себя ошавленною и должна была почестъ васъ за низкаго челоуѣка. — Когда испощенная природа повергла меня на болѣзненный одръ, по возмущенію воображеніе показывало мнѣ часто свѣтлаго Ангела, прикасающагося слегка перспомъ до спраждущей груди моей. Однажды мнѣ мечталось, что я спую на колѣняхъ предъ лучезарнымъ Ангеломъ, — сладоспная гармонія раздавалась вокругъ, онъ благосклонно поднялъ меня и осушилъ глаза мои. — Не смѣйтесь повѣствованію бреда моего; вы не можете вообразить, сколь облегченною и блаженною чувспивовала я себя въ сіи минушы... Когда я пришла въ чувство, по сердце мое было спокойнѣе, и я могла ушвердиться въ намѣреніи исполнять свои должности. — Объ одномъ только прошу васъ неопшпунно, Ринальдо, не пред-

принимайте никогда ничего, что могло бы возмутить мое спокойствие. Вы сами видите сколь тонко и непрочное отношение мое къ Гвидо и сколь легко можете нарушиться. — Еще одно прежде нежели мы расстанемся! скажите вы не нашли еще никакихъ слѣдовъ объ Геліодорѣ? Соедините ваши розыски съ нашими, дабы я могла приговорить пріятнѣйшій жребій несчастной, столь жестоко увлеченной въ мою участь. Я сильно привязана къ любезной родственницѣ, и очень желаю найти въ прекрасной душѣ ея друга, который мнѣ, можете быть, будетъ нуженъ.

Во время сего разговора, Ринальдо примѣшно ослабѣвалъ. Двукратная сильная потеря крови, и различныя душевныя волненія, испытанныя имъ попомъ, истощили его силы. Сначала почивалъ онъ рану свою столь маловажною, что едва думалъ имѣть

нужду въ помощи врача, но сей объявилъ, что она не такъ малозначаща, а опшъ напряженія продолжившагося сраженія сдѣлалась сомнишельна. — Ангелика, видя усиливающіяся его спраданія, наспопашельно просила его поберечь себя; старый Принцъ присоединилъ свои просьбы къ ея, и предложилъ ему дождаться своего выздоровленія въ эпой спранѣ, попому что такимъ образомъ легче можно скрыпшъ поединокъ и избѣжашъ гласности онаго. Онъ съ своимъ семействомъ хопѣлъ также оспашъся еще нѣсколько времени въ деревни; а опсудспвіе Ринальда шѣмъ скорѣе могло извинишъся предъ его знакомыми въ Неаполѣ, когда Францеско напомнилъ, что исключая его и Антонія, никто не знаепъ о семѣ дѣлѣ, а прочихъ подлинно обманули мнимымъ путешеспвіемъ.

Они распались. Ринальдо привспаль съ обломка скалы, на коемъ привуж-

день былъ съспь , и прижалъ къ губамъ своимъ руку, поданную имъ Ангеликой. — Онъ оспался одинъ съ своими друзьями , и глазами слѣдовалъ за карешой, увозившей Ангелику, пока она скрылась за горами. Потомъ друзья проводили его въ деревню, находящуюся въ сей же долинь на скапѣ богатаго виноградниками холма, копорую избрали для его пребыванія, по прелешному положенію ея. Здѣсь долженъ онъ былъ оспаться подъ присмотромъ лѣкаря, копораго друга его хотѣли доспавить изъ Кавы, пока выздоровѣеть; послѣ чего хотѣлъ онъ отправиться съ Францеско для опѣисканія Геліодоры. При склоненіи дня Францеско и Антоніо поспѣшили возвратиться въ Неаполь, дабы предупредить всякое подозрѣніе, предоспавя друга своего уединенію и размышленіямъ, копорыя оно должно внушить.

День сей изобиловалъ предметами къ онымъ, и едва оспался онъ одинъ, какъ вспомнилъ всѣ внезапныя явленія. — Ангелика на всегда распалась съ нимъ, поржесшвенно опреклась опъ него. — Сія мысль наконецъ одна овладѣла его душой, и копя онъ уже давно опказался опъ надежды принадлежать ей, но не могъ вспомнить безъ горести, что она поржесшвенно опреклась опъ него! — Кто можешь опредѣлишь, сколько учаспія имѣла любовь, и сколько щеславіе въ сихъ размышленіяхъ; но мы должны опдать ему справедливосшь, что душа его была исполнена уваженія къ Ангеликѣ, когда онъ безприсраспно смопрѣлъ на нее, и очень чувспвовалъ ея положеніе, чтобы не укрѣпиться въ намѣреніи никогда не предпринимать ничего, чтобы могло поколебать спокойспвіе сей превосходной женщины.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Послѣдніе лучи солнца , заходящаго за лѣсисшыя хребты горъ , играли на стѣнѣ маленькой опряшной комнаты; ослабѣвшій Ринальдо сидѣлъ въ мягкихъ креслахъ, и чрезъ нѣсколько минушъ благодѣпельный сонъ сомкнулъ вѣжды его. Когда онъ вскорѣ попомъ проснулся, то дѣвушка нѣжнаго, пріятнаго вида, спояла предъ нимъ. Она держала въ рукѣ свѣчу, и давно разсмашривала спящаго, удерживая дыханіе и поднявъ палець, дабы опшратитшь всякой шумъ. Не я васъ разбудила, сказала она съ учаспіемъ просыпавшемся, вы часпо во снѣ хвашались за руку, видно она очень болишь? Ма-

пушка велѣла спросишь, не нужно ли вамъ что нибудь? Кшо пшоя машушка? спросилъ Ринальдо, пріямно удивленный симъ милымъ явленіемъ. Ну, да вишь вы у нее живете! сказала дѣвушка. А я Гаешана. Машушка приказала, чшобы я вамъ прислуживала, и я эшо охотно исполняю. А ваша рана вѣрно очень болишь? Она наклонилась и печально искала отвѣта въ глазахъ Ринальда.

Состояніе его въ самомъ дѣлѣ сдѣлалось хуже; сильная лихорадка присоединилась и лѣкаръ, пришедшій на другой день, опасался, что выздоровленіе будетъ медленно. Но стараніе его о больномъ, спокойствіе, коимъ сей наслаждался и усердныя попеченія хозяйки и ея прекрасной дочери, произвели то, что онъ черезъ нѣсколько дней превозмогъ уже сильнѣйшую боль. Учасіе Гаешаны его очень шрогало. Лѣкаръ при первомъ посѣщеніи ука-

заль ей, какъ держашь руку Ринальда при перевязываніи; въ послѣдствіи она каждый разъ входила съ нимъ и брала руку Ринальда, прежде нежели лѣкарь успѣвалъ освѣдомишься о здоровьѣ больного. — Нѣсколько разъ въ день отворяла она дверь, и ежели находила его спящимъ, то удалялась на цыпочкахъ, посмодрѣвъ на него съ улыбкою. А ежели онъ не спалъ, то всегда умѣла облегчить и развеселить его.

Однимъ утромъ, чувствуя себя легче и въ всееломъ расположеніи, онъ пожелалъ прогуляться, подошелъ къ окну и взглянулъ на прелестную срану, улыбающуюся при упреннихъ лучахъ. Домъ его хозяйки былъ самый верхній въ деревнѣ; съ передней спороны онаго видны были хорошо выспроенные дома, спускающіеся по оплогости въ долину; позади дома возвышались виноградные сады по горѣ, коей вершина увѣнчана густымъ лѣ-

сомъ всегда зеленѣющихъ дубовъ. Подъ самымъ окномъ увидѣлъ Ринальдо хорошо расположенный садикъ; при входѣ онаго спояла Гаешана, она, взглянувъ на окно, увидѣла его и поспѣшно удалилась. Вскорѣ попомъ вошла она въ комнашу и подала ему благоухающій мускапный гіацинтъ. Это лучшій изъ разцвѣвшихъ сегодня, сказала она, а ежели мои цвѣты вамъ нравятся, то я вамъ каждый день могу приносить по одному. Посмотрите сколько ихъ на грядкахъ, я ихъ всѣ сама выроспила. А шамъ подлѣ маленькой жесминной бесѣдки Анемоны и ранункулы, здѣсь прекрасныя нарциссы, а шамъ подлѣ персиковаго деревца распушъ мои гіацинты. Видите ли? не въ лѣво, куда вы смощрите—здѣсь, здѣсь въ право!— Ринальдо не ошибался, но ей пакъ показалось; она придвинулась ближе, положила свою руку на его руку, чшобы указать по мѣсто. — Пойдемъ въ низъ къ своимъ цвѣшамъ, сказалъ онъ,

и дѣвушка весело побѣжала впередъ. Онъ хочешь посмѣршись мои цвѣшы, мапушка! сказала она мапери, вспрѣшившейся имъ на порогъ. Когда они сошли въ низъ, она рассказала ему испорію каждаго деревца, каждой грядки; невинность и участіе ея рассказа удосповѣрили Ринальда, что юное сердце ея было привержено только къ роднымъ ея и къ цвѣшамъ; что она проливала слезы только о засохшихъ розовыхъ кустахъ, а не объ обманушой надеждѣ, что мало восхищалась о исполненіи желаніи инаго рода, какъ только объ успѣхъ жесминной бесѣдки.

Сошедъ въ долину, онъ еще долго видѣлъ ее споящую у садоваго забора, и провожающую его взорами, пока онъ доспигъ конца долины.—Тутъ взошелъ онъ на возвышеніе и наслаждался восхищительнымъ видомъ окрестносшей Кавы. Здѣсь же споялъ онъ нѣсколько едѣль шому назадъ, когда мученія-люб-

ви изгнали его изъ Неаполя, но сколь различны были тогда его чувства отъ тѣхъ, съ коими теперь смотрѣлъ на сію весело украшенную страну. Тогда едва утихла буря, свирѣпствовавшая въ немъ, и взоры на пропекшіе дни раздирали сердце его; теперь расширяетъ онъ прошедшее съ меланхолическимъ спокойствіемъ; въ настоящемъ вкушаетъ радость и миръ, а будущее золотится въ объятіяхъ утренней зари.

Онъ возвратился другою дорогою, и уже было не рано, когда пришелъ на пригорокъ, возвышающійся за домомъ его хозяйки, и радовался прохладою, нисходящей къ нему съ темныхъ вершинъ. На прекраснѣйшемъ мѣстѣ, подъ нависшими вѣтвями нашелъ онъ скамью, которая ему тотчасъ напомнила Гаешану. Когда онъ сходилъ, то узналъ ее въ саду, откуда она специально смотрѣла на дорогу, по кото-

рой онъ пошелъ. Онъ хотѣлъ заснать ее шамъ нечаянно; но она его вдругъ замѣтила, и съ радостнымъ видомъ полетѣла ему на встрѣчу черезъ виноградники. — Ахъ! какой спрахъ мы за васъ прешерпѣли, я и машушка. Мы думали, что вы заблудились; два раза выходила я на шу дорогу, и когда находила шамъ паспуховъ, по спрашивала ихъ объ васъ. — Я былъ вверху у швоей дерновой скамьи; эшо видно любимое мѣсто швое, Гаешана? — Что, она и вамъ понравилась? — Очень, опвѣчалъ Ринальдо; я пошчасъ догадался, что никто кромѣ себя не могъ ее такъ хорошо помѣспить. — Ну, ежели она вамъ понравилась, то я эшо мѣсто еще болѣе буду любить, и насажу шамъ бесѣдку въ вашу памяшь.

Дни проходили для него непримѣшно въ наслажденіяхъ сей пріятной природы и въ обхожденіи съ добрыми просподушными людьми, у коихъ онъ

жилъ. Его состояніе уже не препяшп-
спивовало ему списывать красоты,
предспавлявшіяся ему на каждомъ ша-
гу въ сей спранъ, и онъ даже не
очень желалъ полученія письма опъ
Францеско, кошорое должно было его
опшпуда вызвать. — Всякой разъ, когда
онъ возвращался, Гаепана ожидала его
съ неперпвнїемъ; полько при немъ
казалась она веселою. Мать бранила
ее иногда, что она мъшаетъ господи-
ну въ его прогулкахъ; что она ему вѣр-
но въ шягоспъ. Ахъ нѣспъ, мапуш-
ка, опвѣчала она, ежели бы я ему
была въ шягоспъ, шо онъ бы мнѣ эшо
сказалъ.

Хопя бы скрылось опъ взоровъ Ри-
нальда, что въ сердце дѣвушки начи-
нается любовь, кошорая съ каждымъ
днемъ усиливалась, шо слѣдующее при-
ключеніе увѣрило бы его въ шомъ.
Эшо былъ воскресный день. Когда по-
слѣобѣденный жаръ нѣсколько про-

шелъ, по къ вечеру въ деревнѣ все оживилось опять. Ринальдо увидѣлъ множество дѣвушекъ и юношей, собравшихся на пѣнистой круговинѣ; шумная радость ихъ побудила его сойти въ низъ. Прибытіе его не помѣшало веселящимся; ласково поклонились ему дѣвушки; онъ съ удовольствіемъ разсмапривалъ разнообразіе выраженія на многихъ пріятныхъ лицахъ; но, сказалъ онъ самъ себѣ, Гаешана, копорую щещно искалъ въ полпѣ, ихъ всѣхъ бы помрачила. Вскорѣ пошелъ онъ опять на пригорокъ, чтобы насладиться вечерней прохладой на ея и своемъ любимомъ мѣстѣ. Уже издали увидѣлъ онъ ее сидящую на дерновой скамѣ, и подходилъ тихонько, пока спалъ за нею. Онъ назвалъ ее, и она испугавшись вскочила, уронивъ календарь, въ коемъ со вниманіемъ перебирала листы. — Ты сидишь здѣсь въ уединеніи, а я искалъ тебѣ на мѣстѣ пляски? Развѣ

шы не охотница до пляски? Прежде сего я ни одной не пропускала, ошвѣчала она, а теперь не знаю, что по охота прошла. А вы любите смотрѣшь на нихъ?—Я бы охотно посмотрѣлъ какъ шы пляшешь; да что шы шущь ищешь въ календарь? Она молчала и улыбалась. Ежели вы не будете надо мною смѣяться, сказала она помолчавъ, то я вамъ скажу. Для меня нѣтъ ничего непріятнѣе, какъ не знать, какъ зовущь когонибудь знакомаго; а васъ я знаю уже давно, и когда думаю объ васъ, то должна все называть чужестранцемъ. Я уже часто спрашивала мапушку: да скажи мнѣ, мапушка! какъ зовущь этого господина? Спроси у него, говоришь она. Я хотѣла это сдѣлать, какъ сегодня вздумала, что я и такъ могу узнать ваше имя. Я взяла сюда съ собою календарь, чтобы объ этомъ хорошенько подумать. Я хотѣла выбрать лучшее имя, ибо думала, онъ долженъ имѣть прекрасное...

И ты нашла его, прервалъ онъ? Она поискала, и положила палецъ на имя *Ринальдо*. Такъ васъ зовушь, не правда ли? — Ты опгадала! опвѣчалъ онъ въ изумленіи. Да какъ могла ты это опгадать? — Послушайше! я вамъ также расскажу какъ я попала на это имя. Мѣсяца два тому назадъ, я была съ мапушкой на ярмаркѣ въ Кавѣ; мы ошановились передъ человѣкомъ, кошорый къ органамъ припѣвалъ весьма шрогашельную повѣсть о прекрасной и добродѣпельной Принцессѣ, называемой Армидою, и о молодомъ, прекрасномъ и храбромъ Рыцарѣ, по имени Ринальдо. Онъ рассказалъ какъ Армидаша въ него влюбилась и увезла его, какъ они оба прогуливались въ увеселительныхъ садахъ Принцессы, и какъ они очень — ахъ очень любили другъ друга, пока пришли два спарые рыцаря и похишили прекраснаго Ринальда у его Армиды, пошому что завидовали ихъ счасшію; и бѣдная Армида нако-

нець пошла съ горя въ монастырь. Гадкіе рыцари!—за шо у нихъ и имена такіе грубыя, злыя, чшо я ихъ никакъ не могла запомнить. А я съ шѣхъ поръ все думала объ Ринальдѣ и Армидѣ; кого я очень люблю, думала я, шому также должно называться Ринальдомъ. Бѣдная Армида! за шо ужъ она и была очень счастлива, я думаю?—Ты думаешь?—сказаль Ринальдо, не могшій удержашъ улыбки, слыша, какъ обошелся ярмоночный пѣвецъ съ Тассовымъ повѣспивованіемъ—да знаешь ли ты, чшо эша Армида была чародѣйка?—Чародѣйка? вскричала она съ удивленіемъ. Нѣтъ, водите! Пѣвецъ объ эпомъ ничего не говорилъ. Я даже думаю, чшо она сдѣлалась великой свяпою. — Право, право, Гаешана! въ Испоріи именно сказано—чародѣйка.—Съ нами Богъ! А я шакъ часто желала бытъ на ея мѣстѣ; теперь я объ ней и думать не посмѣю. За чѣмъ вы мнѣ эшо сказали? я ее

шакъ любила!—Нѣтъ, нѣтъ Гаепана!
 возразилъ онъ съ чувствомъ, думай
 о своей Армиѣ, желай себя на ея
 мѣстѣ! и будь счастливѣе, нежели
 она была. — Ахъ! сказала дѣвушка, я
 часто думала, что должно быть же-
 споко, ежели любишь шакъ несчастно,
 и когда шопъ, за кого бы гошовъ
 пошчасъ ипши на смертъ, насъ не
 любилъ. — Любезная Гаепана! вскри-
 чаль онъ, пронувый ея невинностью,
 привлекъ ее, шакъ какъ она предъ нимъ
 спояла, ближе къ своей груди и по-
 цѣловаль свѣжія, юныя губы ея. Она
 робко обняла шпанъ его руками, серд-
 це ея билось, померкшіе глаза искали
 взоровъ его. Помолчавъ, сказала она:
 вы не шупя говорите, что я ваша
 любезная Гаепана? — Ринальдо опом-
 нясь сказалъ: я къ тебѣ очень хорошо
 расположенъ, Гаепана! — Они пошли
 домой, и еще не вышедъ изъ лѣсу дѣ-
 вушка вдругъ остановилась. — Я еще
 давеча хошѣла васъ спросить: вишь

Ринальдо не былъ чародѣй?—Споль же мало, какъ швол Армида! ошвѣчалъ онъ улыбаясь. Я бы не хошѣла, чшобы мнѣ эшо пришло на мысли, когда буду думашь объ васъ—когда васъ здѣсь не будешь.—Ахъ! когда вы не будеше здѣсь!—Горесшъ овладѣла ею при сей мысли, и она безмолвно возврашнлась съ нимъ домой.

Открышнє, сдѣланное имъ въ сердцѣ дѣвушки, не мало беспокоило его, а какъ онъ не могъ соошвѣтствовать ей, шо чувспвовалъ обязанность шщаспельно избѣгатъ, чшобы не пипашь раждающейся спрасши.— Но нѣпъ ничего соблазннпельнѣе шаковаго открышнѣя; и не пипаешся ли уже спрасшъ присудспвнємъ любезнаго?

Въ слѣдующнй вечеръ Гаепана пришла къ нему, и просила сойши съ нею на нѣсколькo минушъ къ дверямъ дома. Когда онъ послѣдовалъ за нею, шо она

поспѣшно побѣжала впередъ. . . . Она собрала нѣсколько подругъ. Какъ скоро онъ выступилъ изъ дверей, то дѣвушки привѣтствовали его веселой парантеллой. Гаешана опличалась передъ всѣми. Ловкость и пріятность ея движеній, правильность шаговъ, привлекательныя положенія, въ коихъ являлась, поднимая шамбурины и ударяя ловко рукой — привлекали взоры Ринальда только на нее. — Онъ изъяснилъ свое удовольствіе мамери ея, споявшей подлѣ него. Я же видывала, чтобы она такъ хорошо плясала, отвѣчала мать, и не понимаю какъ она сегодня такъ охотно на то согласилась. За годъ передъ симъ, когда былъ у насъ дальній родственникъ изъ Молно, такъ мы только просьбами могли ее къ тому уговорить. — Пляска кончилась, всѣ дѣвушки подошли къ Ринальду и подали ему по букету цвѣтовъ. А моего вы до завтра подождете, сказала Гаешана; я не могла найти раз-

цвѣвшаго Гіацинта. — Видно ты ихъ также не полила какъ и другіе цвѣты, которые сего дня совсѣмъ поблекли, сказала мать. Ты нынѣ уже не такъ забоишься о своихъ цвѣтахъ какъ бывало! — Да бѣринъ не любишь нарциссовъ и анемоновъ, а только гіацинты и розы, а объ нихъ не можешь сказать, машушка, чпобы я не рада!

На другой день Ринальдо поздно возвратился ошъ прогулки своей; Гаешана сполла въ дверяхъ, голова опустилась на грудь, руки повисли въ низъ, все ее существо казалось бышь въ изнеможеніи; она была такъ углублена сама въ себя, что не прежде примѣтила приближающагося, какъ онъ схватилъ ее руку. Чшо съ тобою сдѣлалось, Гаешана? — Она взглянула на него, глаза ея были полны слезъ. Къ вамъ пришло письмо, сказала она печально, вѣрно васъ ошсюда вызовутъ. Она подала ему оное, и медленно по-

слѣдовала за Ринальдомъ въ комнату. Францеско писалъ, что дѣла по наследству дяди его непременно пребудушъ, чпобы онъ ѣхалъ въ Люцеру, почему и проситъ друга своего, оспашься въ шеперешнемъ мѣспопребываніи, или отправитья въ его замокъ при Басіентѣ, куда онъ черезъ три недѣли прямо изъ Люцеры поѣдетъ.— Первое предложеніе показалось ему пріятнѣе, нежели проводить время въ уединенномъ замкѣ. Гаепана не сводила съ него глазъ, а когда онъ положилъ письмо, то съ живоспію вскричала: Вы насъ оспавляете? — Вы хотите насъ оспавить? повспорила она медленнѣе, приближаясь къ нему и удерживая слезы. Письмо говоритъ, что я могу оспашься, отвѣчалъ Ринальдо.— Переходъ отъ печали къ неожиданной радости, лишилъ ее на время способности говорить; жизнь возвратилась во всѣ члены ея. О какъ я рада, воскликнула она съ воспоргомъ.

Оспаньшесь, ахъ оспаньшесь на всегда!
 — Она захлопала въ ладоши и побѣжала
 вонъ. Ринальдо слышалъ какъ она
 объявляла сію новостъ матери своей
 съ шоропливой радостію. Любезная
 дѣвушка пронула сердце его. Чистая,
 невинная душа! сказалъ онъ—я долженъ
 тебя оставишь! — Нѣтъ, продолжалъ
 онъ помолчавъ, это не можешь такъ
 оспашься! продолженіе моего пребы-
 ванія здѣсь, зависаетъ въ дѣвущкѣ, на-
 дежды, коихъ я не могу исполнить, и
 предаешь ей свободное сердце пожира-
 ющей спраспи. Я удалюсь, пока еще
 могу! — Теперь пробудилась только ея
 чувствительность, а созрѣвъ, прикло-
 нится сей распускающійся пріятный
 цвѣшокъ къ груди другаго счастли-
 ваго юноши. Склонность ея легко перей-
 деть къ другому, когда я удалюсь отъ
 глазъ ея. Между тѣмъ какъ онъ раз-
 мышлялъ какъ ему удалиться, не при-
 чиня ей излишняго огорченія, прибли-
 жилось Воскресеніе, Госпана сказы.

вала ему, что это день ея рожденія, и ей минеть семнадцать лѣтъ. Онъ хотѣлъ обрадовать ее подаркомъ ея портрета. По счастью имѣлъ онъ при себѣ все нужное къ тому, и на другое утро, пока она была въ его комнатѣ, онъ замѣчалъ шонкія черты лица ея. Молча стояла она у окна, и съ опкременной радостью улыбалась, когда онъ взглядывалъ на нее съ своей работы.

Ринальдо рисовалъ скоро, и когда Гаспана въ воскресенье пришла къ нему, то онъ подаль ей маленькое изображеніе. Онъ представилъ ее весьма схоже, какъ она плясала шараншеллу. О какъ это прекрасно, сказала она, разсматривая портретъ. — Потомъ продолжала помолчавъ: но я спую шупъ одна, и вы должны бы шупъ быть. Вишь вы были шупъ же, какъ я плясала, и матушка и прочіе. Она, помолчавъ нѣсколько, пачала опять шихо улы-

баясь: я бы хотѣла, чѣтобы вы что нибудь другое нарисовали, гдѣ были мы шолько двое. Прошедшее Воскресенье—А! когда ты сидѣла на дерновой скамьѣ съ календаремъ? прервалъ онъ.—Нѣтъ, не эшо, а когда вы меня въ первый разъ обняли и поцѣловали, опивчала она покраснѣвъ. О Боже мой! эшо было такъ прекрасно! Но нѣтъ, самаго лучшаго при шомъ вы не могли бы нарисовать. А что эшо шакое, Гаешана?—То, что я чувствовала! Да развѣ вы не можете списать самаго себя? Какъ мнѣ бы хотѣлось имѣть вашъ портретъ! Когда вы уходите, то я нигдѣ мѣста не найду—а ежели бы имѣла ваше изображеніе, то пошла бы съ нимъ въ свою бесѣдку, и смотрѣла бы на него, какъ гляжу на васъ самихъ; спала бы сказываешь ему все, что придепъ мнѣ въ голову! Вамъ самимъ я не могу всего сказать что чувствую, потому что у васъ иногда шакой спрогой видъ, что слова зами-

раюють на губахъ. О дайше мнѣ
вашъ порпребъ! Я принесу его шебѣ
по возвращеніи моемъ, Гаешана! ска-
заль онъ помолчавъ. — По возвращеніи?
спросила она съ устрашеннымъ ви-
домъ. Да, Гаешана! я долженъ оспа-
вить васъ на время. Одинъ изъ луч-
шихъ друзей моихъ пришелъ бы въ
величайшую опасность, ежели бы я
долѣ промедлилъ поспѣшишь къ нему
на помощь; какъ скоро я ему уже не
буду нуженъ, шо вы меня опяшь уви-
дите. Она измѣнилась въ лицѣ. А ко-
гда вы отпрапляешесь? спросила она
плачущимъ голосомъ. Завтра! опвѣ-
чаль Ринальдо. Завтра? Уже завтра?
сказала она, пошупя печально голову.
О Боже, какъ я эшо перенесу! — Будь
покойна, Гаешана! мы опяшь увидим-
ся. — О опнимите лучше всю надежду
у меня! я очень знаю, что ежели вы
удалишесь, шо я васъ уже никогда не
уввижу! Она шапаясь вышла.

Когда Ринальдо хопъль расчесъся съ хозяйкою, то она рѣшительно опказалась опъ всякой плашы. Видя чпо въ его усилія щепины, онъ далъ ей колючко. Не опкажись принять хопъ эту малость, любезная спарушка! сказалъ онъ. Сохрани его для своей дочери, пусть она наденеть его въ день своей свадьбы въ память мою. — Дѣвушка распеть и приходить въ лѣша, сыщи себѣ скорѣ добраго юношу въ зяшья, выбери честивѣйшаго во всей деревни, во всей спранѣ, чпобы спарощь пвоя успокоилась въ кругу любезныхъ дѣшей. Я принимаю сердечное участіе въ пвоей дочери, повѣрь мнѣ, бабушка! не хорошо, ежели дѣвушка слишкомъ долго мещкаеть въ выборѣ жениха. Спаруха опвѣчала, чпо она и сама часпо думала о помѣ, и надѣеися, чпо Гаепана согласится выдти за родственника ея изъ Мрлно, къ коему всегда была лучше расположена и ласковѣе, нежели къ всѣмъ дру-

гимъ; на сихъ дняхъ я иногда желала, чшобы Гаепана была шакъ расположена къ сему родспвеннику какъ къ вамъ. — Не безпокойся объ эпомъ! возразилъ Ринальдо, шеперь она ко мнѣ привыкла; эшо легко случается, да легко опяшь и забывается. — Онъ совѣщовалъ ей уговорить сего родспвенника провести нѣсколько времени у нее, тогда укрѣпится слабая склонность, которая въ разлукѣ все болѣе ослабѣваетъ. Она рѣшилась послѣдовать немедленно сему совѣщу.

Ринальдо былъ на дорогѣ къ высокому дубовому лѣсу, гдѣ вѣроятно находилась Гаепана, какъ вдругъ остано-вился. Куда? сказалъ онъ самъ себѣ, куда? . . . Къ шому опасному мѣсту, гдѣ уже однажды я опкрылъ чувства свои? Назадъ! я не могу преодолѣть чувствъ своихъ, чшобы сердце осталось нечувствительнымъ, видя предъ собою столько любезности и невинно-

сти! Размышляя о соспоявіи Гаешаны, онъ надѣялся, что она скоро успокоится. Ея склонность къ нему возрастала въ безнадежности, и потому легко могла бытъ вышеснена любовію къ юношѣ, котораго уже дѣтская склонность ея опличала. — Такъ какъ онъ всегда старался усовершенствовать ея способности и возвысить благородное расположеніе, то могъ надѣяться, что кратковременное обращеніе его съ нею будетъ не безъ дѣйствія для ея образованія.

Гаешанѣ позволено было проводить удаляющагося друга до конца долины, и они оба шли безмолвно другъ возлѣ друга во среженіе восходящаго солнца. Наконецъ Ринальдо, взявъ Гаешану подъ руку, прервалъ молчаніе и сказалъ: Прекрати мучительную шоську! разшанемся весело, безъ горести! Какъ могу я бытъ веселою, сказала она тихо, вы уносите всю радость мою съ

собою ! . . . Вамъ конечно во мнѣ мало нужды , я это чувствую ; вчера когда я была одна шамъ на верху въ лѣсу , то мнѣ вдругъ пало на сердце , нѣтъ ли у васъ невѣсты . Любезный Ринальдо ! — она его еще никогда такъ не называла — есть ли у васъ невѣста ? спросила она умоляющимъ голосомъ , опираясь крѣпче на его руку и смотря ему въ глаза . Вы мнѣ еще ничего не сказывали о себѣ , а я бы вамъ все рассказала , что у меня на душѣ . — Изъ состраданія Ринальдо оставилъ ей надежду свиданія , но дабы предъуготовишь ее къ принятію чувствъ , долженствующихъ сослужить счастіе проспой жизни ея , онъ думалъ , какъ бы сдѣлать сію надежду столь неопредѣленною , чтобы она сама собою уничтожилась ; вопросъ Гаепаны , казалось , способствовалъ его намѣренію , и онъ отвѣчалъ по крашкомъ молчаніи : Невѣсты у меня нѣтъ , милая моя , но другъ , коему нужна помощь моя , какъ

я шебѣ сказывалъ , естъ дѣвушка , заблудившаяся здѣсь на чужой споронѣ .
 —И вы ее любите ? прервала Гаепана .
 —Кого бы не пронуло положеніе бѣдной , оставленной дѣвушки , блуждающей безъ друга , безъ пушеводителя ? Ты слишкомъ добра , любезная Гаепана , чшобы удержашь меня опъ вспоможенія несчастной . —Нѣтъ , нѣтъ ! сказала она добродушно , вы должны ей помочь ; а когда найдете ее , шо приведите къ намъ , я раздѣлю съ нею все что имѣю . . . Вы говорите , что она чужеземка ? видно вы ее привезли изъ тѣхъ странъ , гдѣ живутъ добрые люди , о коихъ вы мнѣ рассказывали ? Ринальдо сказалъ ей нѣчто о Геліодорѣ , а дабы достигнуть своего намѣренія , также кое что о своемъ положеніи , при чемъ однакоже осшерегался , чшобы не помрачить сей чистой души .

Между сими разговорами дошли они

до выбитой дороги, копорую оканчивалась долина на восточной споронь. Гаепана оспановилась и печально посмошрѣла на своего спутника. Со слезами прошла еще нѣсколько шаговъ по дорогѣ, пока она начала крупно подыматься въ чащу лѣса; шупъ она опяпъ оспановилась, слезы спремипельно полились; косы, искусно обвившыя вкругъ головы, распуспились, темные волосы развевались около спройнаго спана ея. Ринальдо обнялъ ее одною рукою, она, прислонивъ голову къ его плечу, произнесла задыхающимся голосомъ: о я не могу! я не могу! . . . Не забудьте меня шолько совѣмъ, не совѣмъ! Прощайше! любезный — любезный человекъ! Онъ опуспилъ ее, и они разспались. Медленно прошла Гаепана нѣсколько шаговъ; Ринальдо, будучи крайне пронушъ, смошрѣлъ ей въ слѣдъ. Вдругъ она оглянулась, видишь его споящаго, спремипся къ нему и прижимаешъ къ сильно биющейся груди. —

О Боже! восклицаетъ она съ болѣзненнымъ выраженіемъ; руки ея опускаются въ изнеможеніи; она бросаетъ еще слезящій взглядъ на него и сходитъ колебаясь по темной пропннкѣ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Кшо былъ хоть однажды такъ счастливъ, что провель нѣсколько времени въ пріятномъ обществѣ, въ коемъ возвышалось его существо, гдѣ чувствамъ его предавалась юношеская свѣжесть и новое достоинство; а воображенію, припимающему споль легко низкіе виды, возвращалась чистота и сила невинности? Кшо можетъ наслаждаться такимъ воспоминаніемъ, шопъ находить въ ономъ друга гоповаго уладить печальные часы, и онъ часно приводитъ себѣ на память мирное соспаніе, въ коемъ оставилъ сіе невинное общество.

Кшо испыталъ сіе, шопъ поймешь

расположеніе, въ коемъ находился Ринальдо, смотря съ высоты на пихую долину. — Ежели что нибудь было способно освободить душу его, коей ясность часно помрачалась, коей непоспоянная живость часно плѣнялась въ прошедшія времена, по это было жилище, съ коимъ теперь проснулся; теперь уже чувствовалъ онъ въ себѣ удивительную перемену, когда воображалъ расположеніе духа, съ коимъ сюда прибылъ. Всеобщая веселость оживила его, чувства его укропились, и всѣ заботы ума шли поспѣшнѣе и свободнѣе. — Съ сими чувствами, съ симъ юношескимъ духомъ въ сердцѣ, пошелъ онъ исполненный бодрости и надежды во срѣщеніе новой жизни.

Опдаленная цѣль его путешествія была замокъ Франческа; но какъ оный сюда еще не прибылъ, по Ринальдо хопѣлъ бродить нѣсколько недѣль по Аппенинскимъ горамъ; а можешъ быти

и займи за своимъ другомъ въ Люцеру. При семъ спранспованіи онъ не слѣдовалъ назначеніюму направленію; минутная прелесть располагала пушемъ его; по суровыл, гигантскія громады скаль, що пріяшно изгибающіяся долины, ~~удерживали~~ его нѣсколько дней, иногда собраніе простодушныхъ людей привлекало его. Между многими изящными опытами, сдѣланными имъ въ сихъ уединенныхъ мѣстахъ, мы упомянемъ только объ одномъ, попому что онъ сильно подѣйствовалъ на него, и возвысилъ расположеніе его.

Спрансповавъ около недѣли, направилъ пушь къ Сѣверу, и, взобравшись однажды по крушой пропиккѣ, прошелъ нѣсколько миль по лѣсиспымъ вершинамъ горъ и прибылъ къ мѣспу дико-романшическаго вида. Вдругъ увидѣлъ себя на краю глубокаго, темнаго оврага, чрезъ который отважно брошенъ былъ на пропиву лежащую, да-

леко нависшую скалу, мостъ изъ древесныхъ пней ; внизу шумѣла рѣка по грознымъ спремнинамъ , и въ своемъ спремленіи увлекала древніе пихшы, перегибающіяся черезъ нее, въ шумящую пучину свою. Ринальдо прошелъ нѣсколько шаговъ вверхъ , и нашель выгодное мѣсто, откуда увидѣль на прошивулежащей скаль маленькое круглое спроеіе на опасномъ мѣспѣ, соспавлявшее прекрасный предметъ на ландшафтѣ. Тутъ солнце бросило въ низъ нѣсколько лучей, кои, отражаясь на влажной пыли водопада, возвышали прелестъ зрѣлица. — Ринальдо, насладаясь довольно онимъ, спарался спредспавить карандашемъ сіи величеспвенные виды. Окончивъ чертежи, увидѣль на другомъ концѣ моста пожилаго человека, который уже давно споспрѣль на него, прислонясь къ скаль. Онъ съ дружеспвенной важностью отвѣчалъ на привѣспствіе Ринальда, и когда сей послѣдній, перешедъ чрезъ мостъ, по-

дошелъ къ нему, по сказаль, что можеть показать ему еще мѣсто, опкуда сѣя спрана показывается, можеть бысть, споль же хорошо; но послѣдуйте прежде за мною въ мое близкое жилище, примолвилъ онъ, я даже предложилъ бы вамъ раздѣлить оное со мною сѣю ночь, ежели вамъ не нужно достигнуть прежде вечера какого назначеннаго мѣста. Ринальдо принялъ его предложеніе съ признашельностію. Прошедъ между крупныхъ угесисныхъ спѣвъ, достигли они узкой пропинки, ведущей вокругъ горы внизъ. Вскорѣ открылся видъ на улыбающуюся плодоносную долину, окруженную со всѣхъ споронъ оспроконечными горами, покрытыми густой зеленью.

Небольшое число разбросанныхъ жилищъ показывалось изъ-за живописныхъ групповъ деревъ, между коими извивался прозрачный ручей, по шерявшійся въ кустарникъ, по пробиравшійся по

дугамъ, попомъ при маленькомъ паденіи приводилъ въ движеніе мѣльницу, споявшую подъ нависшими скалами и перегибающимися дубами. Тамъ рѣзвилось пасущееся стадо; здѣсь опдыхало другое на шѣнистомъ берегу ручья, между шѣмъ какъ паспухи оживляли окрестность проспыми звуками цампогны. Высокія, гошическія колокольни и ограда монастыря, показывающіяся изъ-за древнихъ лѣсовъ, въ дали на высотѣ, дѣлали величественную прошивуположность сему спокойному зрѣлищу.

Они сошли къ опряшному жилищу незнакомца, лежащему у подошвы горы въ саду, и примыкавшему съ правой стороны къ померанцевой рощѣ, покрывавшей одну спорону горы. При входѣ ихъ прекрасный осьмилѣтній мальчикъ прибѣжалъ имъ на встрѣчу; онъ схватилъ руку незнакомца, потомъ, посмотрѣвъ нѣсколько времени

на Ринальда, пропянулъ и ему свою рученьку.— По древнему гостепріимному обычаю гостя укрѣпили пищею и дали отдохнуть, прежде нежели хозяинъ спросилъ, откуда онъ. Ринальдо объявилъ о себѣ; нравы ихъ сходствовали. Вечеромъ вошедъ въ благоухающую бесѣдку сада, гдѣ ожидалъ ихъ ужинъ изъ прохлаждающихъ плодовъ; онъ уже чувствовалъ себя исполненнымъ душевнымъ уваженіемъ къ хозяину своему.— Каждое изъ значущихъ словъ сего человѣка показывало ему образованность его, и что онъ искушенъ и испытанъ многотрудною жизнію. Разговоръ пресекся, и оба нѣсколько минутъ безмолвно наслаждались видомъ луною освѣщенной спраны. Извините, сказалъ Ринальдо, я думаю, что общесство не довольно тѣмъ, что вы отдыхаете; мнѣ кажется, оно имѣетъ еще требованіе на васъ?—Никакъ, возразилъ онъ съ спокойною улыбкою, напрошивъ ежели считашь требованія,

но я бы имѣлъ нѣкоторыя на общес-
ство. Но счеты наши уже давно рѣ-
шены. . . . Я понимаю вашу вопроша-
ющій взглядъ, продолжалъ онъ помол-
чавъ и схвативъ руку Ринальда — ва-
шему доброму духу, вашей въ дѣятель-
ности увеселяющейся душѣ не свой-
ственна такая спокойная покорность?
Это должно быть такъ! Юноша не
долженъ успрашиваться, когда услы-
шивъ какіе горестныя опыты иной
сдѣлалъ въ жизни; ежелибы я повѣ-
ствовалъ о своихъ, то бы повпорялъ
безпрестанно: ежели тебя ожидаютъ
еще жесточайшіе уроки, то, не взирая
на то, продолжай свое поприще, юно-
ша!—И онъ это сдѣлаешь! Насъ всѣхъ
влечетъ сильное побужденіе къ обще-
ственной жизни, побужденіе помѣщен-
ное въ груди нашей въ залогъ распро-
страненія образованія; ибо силы воз-
растаютъ только по мѣрѣ употреб-
ленія, и упражненіе происходитъ отъ
сопротивленія, а общественная жизнь

прошивупоспавляешь сопрошивленіе!... Но шамъ гдѣ бодрость духа была споль часпо угасаема, гдѣ охота споль часпо упомлялась уничшоженіемъ свойспвеннаго намъ круга дѣлшельности, гдѣ взоры повсюду вспрѣчаютъ разрушенныя дѣла, разрушенныя надежды, а сердце, можешъ бышь, должно еще горевашъ объ обманушомъ любезномъ желаніи—шамъ по испинѣ счешъ конченъ, и осшавленный несчасшливецъ можешъ удалиться, чшобы спасши спокоешвіе свое.

Онъ замолчалъ. Подъ конецъ голосъ его былъ спешенъ; гореспшныя восшиванія, казалось, представились душѣ его; черныя глаза его блиспали. Ринальдо былъ шакъ сильно пораженъ, шакъ глубоко шронушъ, что прижалъ въ безмолвіи руку его къ своей груди. Пойдемше! сказалъ незнакомецъ, и повелъ его чрезъ померанцевую рощу на шропинку, опшлого ведущую вверхъ. —

Прохладная мѣсячная ночь спановилась яснѣе, а дремлющая окрестность безмолвнѣе. Они взошли на верхъ и очутились передъ круглымъ спроеніемъ, которое Ринальдо видѣлъ днемъ на утесѣ. При входѣ во внутренность онаго, составлявшую простую залу, сумракъ окружилъ ихъ. Въ срединѣ, на черной мраморной пирамидѣ мѣсячный лучъ освѣпилъ слова: *И я былъ въ Аркадіи!*

Незнакомецъ опворилъ дверь пропивъ входа, и дикій ландшафтъ, полюбопоставившійся Ринальду, съ этого мѣста и въ семь поржесшвенномъ освѣщеніи, дѣлалъ всличесшвенное впечатлѣніе.

Незнакомецъ подвелъ Ринальдо къ пирамидѣ, дабы онъ почувспвовалъ дѣйспвіе прощивуположности, которую предспавлялъ взоръ на дикую пустыню и видъ прощивулежащей пре-

лессиной долины. — Ринальдо, указывая на надпись, сказалъ: я не знаю, гдѣ бы сіи слова могли бытъ помѣщены на лучшемъ мѣстѣ! Кто можеть повѣрять себѣ сіи слова, шотъ никогда не можеть бытъ совершенно несчастливъ. — Вы правы, отвѣчалъ незнакомецъ, хопя бы онъ, подобно мнѣ, былъ шамъ шолько единую минушу, воспоминаніе сіе его никогда не оставитъ. Въ продолженіи чешырнадцати лѣтъ, кои живу я здѣсь, я провелъ въ семь уединенномъ храмѣ важнѣйшіе часы, перенося себя мысленно въ то время, когда мгновенный солнечный лучъ освятилъ жизнь мою. — Моя испорія не необыкновенна — началъ онъ, между шѣмъ какъ они сѣли передъ входомъ — я началъ свое поприще военной службой, попалъ ко двору, счастье благоприятствовало мнѣ, я скоро возвысился и былъ въ шакомъ положеніи, что могъ употреблять свои силы наилучшимъ образомъ, какъ меня вдругъ

свергли, уничтожили происками. Казалось, что враждебная судьба возспала пропивъ моего семейства. — Любовь довершила мои спраданія. Къ симъ-то скоро упраченнымъ, блаженнымъ часамъ, кои доставила мнѣ любовь сія, къ нимъ опносятся надпись сія. Съ малымъ имуществомъ, спасеннымъ мною опъ бури, dospъшилъ я въ сіе уединеніе и купилъ небольшое владѣніе, которое вы здѣсь видите. Духъ мой былъ распроснъ; много времени прошло пока я могъ спяжать себѣ спокойствіе; но я сдѣлался счастливъ; вся прошедшая жизнь предана забвенію, и является мнѣ какъ поучительное сновидѣніе. — Любезный молодой человекъ! желаю, чтобы вы dospigli сей же цѣли, не испыавъ поликаго множества жестокихъ испыпаній — Говорятъ: нужда научаетъ молиться; я бы перемѣнилъ пакъ: жизнь научаетъ молиться! Ежели молиться значить собрашься съ мыслями, уеди-

нипьясь въ самага себя и боропьясь ,
 чшобы не поперяшь самага себя—по
 сія пословица весьма справедлива ! —
 Ежели для васъ чшо нибудь важно, шо
 эшо сіе собраніе мыслей, сей свобод-
 ный, спокойный взоръ въ изгибы сер-
 ца своего.

Ринальдо чувспвовалъ сильное же-
 ланіе соопвѣшпшовашъ довѣренности
 сего чловѣка и сообщитъ ему глав-
 нѣйшее изъ своихъ приключеній. Не-
 знакомецъ слушалъ съ великимъ уча-
 стіемъ, а когда онъ кончилъ, шо ска-
 залъ : Спокойспвіе, съ коимъ вы раз-
 сказываешс, доказываешъ, чшо вы осво-
 бодились отъ спраспи и получили до-
 вольно хладнокровія , чшобы восполь-
 зовашься своими опытами для будущей
 жизни, и можете судитъ сами себя
 строго, ежели нужно. — Я не спану
 уговаривашъ юношу: Осперегайся спра-
 спи! ибо безразсудно говоритъ морю :
 Осперегайся бури!— Но я скажу юно-
 шъ: Сохрани себя въ спраспи!

По возвращеніи ихъ въ домъ, мальчикъ еще не спалъ, онъ бросился къ незнакомцу и вскричалъ радостно: Вотъ ты опять здѣсь, а я думалъ, что сей чужестранецъ тебя увелъ съ собою!—Послѣ хозяинъ сказалъ Ринальду: Эпо сынъ бѣдныхъ паспуховъ, я взялъ его къ себѣ по второму году, потому что мнѣ самому отказано въ споль драгоцѣнномъ сокровищѣ. Какъ бы не соспавляло воображеніе карпину будущей счастливой жизни, но дѣпи—наши дѣпи сосспавляютъ оживляющія лица въ ней!

Ринальдо хопѣлъ на слѣдующее утро продолжатъ путь; онъ долженъ былъ свѣшиться, чинобы заспать еще своего друга въ Люцеръ; но незнакомецъ привлекалъ его пакъ къ себѣ, что онъ съ часу на часъ откладывалъ разлуку. Наконецъ, когда сильный дневной жаръ прошелъ, то онъ распался съ симъ благороднымъ чловѣкомъ.—Я никогда

не забуду проведенныхъ съ вами минутъ, сказалъ онъ ему; слова ваши пребудутъ впечатленными въ душѣ моей! —

Кто такъ бѣденъ, возразилъ незнакомецъ, чѣмъ не могъ дать добраго слова или испытаннаго правила на дорогу другу своему въ продолжительное странствіе? Прощайте любезный, твердый юноша! и ежели вы будете думать обо мнѣ сколько, сколько я принимаю участія въ васъ, то мы видѣлись не въ послѣдній разъ. Онъ поцѣловалъ Ринальда въ чело, и расстроганный сказалъ еще разъ: прощайте!

Ринальдова дорога лежала подѣ горою, на вершинѣ которой находился монастырь. Насладившись нѣсколько минутъ романтическимъ видомъ, онъ пошелъ въ задумчивости далѣе, и углубляясь все болѣе въ густоту лѣса, скоро замѣшилъ, что заблудился. Онъ симъ

не очень тревожился, ибо зналъ, что не можетъ далеко удалиться отъ монастыря. Тщепно искалъ онъ пропинки, пщепно прислушивался, не услышитъ ли человѣческаго голоса, пока опдаленный звонъ колокола направилъ шаги его..

Уже смерлось, когда онъ достигъ ограды монастырскаго сада. — Пріятныя благоуханія наполняли вечерній воздухъ; нѣжный женскій голосъ, знакомый сокровеннѣйшимъ чувствомъ его, прервалъ поржесивенную тишину.

Оставя брегъ отчизны драгоценной,
Гдѣ юность дней моихъ шакъ весело шекла,—
Я сирота въ чужбинѣ опдаленной
Меня судьба на горе обрекла!

Гдѣ жъ свѣпмый лучъ для взора мнѣ
искашь,
Который бы возмогъ иракъ скорби
разогнать?

Бывъ счастлива всегда , въ кругу для сердца
милыхъ

Не знала я заботъ съ спокойною душой;

Теперь одна въ мечпаніяхъ унылыхъ

И сердце пягопишь ужасною поскою !

Невѣдомая грустьъ и тайное желанье

Скрывающъ грудь мою на вѣкъ безъ
упованья.

Послѣдовало молчаніе. Это она! воз-
вѣспило предчувствіе въ сердце Ри-
нальда, и онъ запѣлъ на пошъ же го-
лось :

Отъ взоровъ изгнанъ бывъ пвонхъ ,

На вѣкъ лишень я спалъ покою ,

И цѣпь спраданій всѣхъ моихъ

Распоргнется одной побою.

Къ молчанью сердце осужденно

Любовь пинаешъ безнадежно.

Между тѣмъ какъ Ринальдо опяѣ-
чалъ , звуки люпни , сопровождавшей
пѣніе, удалились ; онъ пошелъ внизъ
вдоль стѣны, и вскорѣ пріятные звуки
доспигли ушей его :

Хотя надежда мнѣ шептала,
 Чпобъ чувствъ предъ нею не скрыватьъ,
 Награды сладкой обвцала...
 Но исполненья не выдашь!

Съ душевнымъ выраженіемъ ошвѣ-
 чалъ Ринальдо:

Одно лишь слово уснѣ швонхъ
 Подашь мнѣ можетъ упшшенье!
 И счастливыхъ часовъ монхъ
 Пойдешъ на встрѣчу наслажденье!

Произнеси мнѣ сладкій звукъ,
 Чпобъ жизнь весельемъ освѣпилась,
 Избавь меня отъ тяжкихъ мукъ
 Доколь юность не зашмилась! . . .

Пѣвица умолкла. О эпо она! эпо она!
 сказалъ Ринальдо громкимъ голосомъ.
 Она поспѣшно ударила нѣсколько акор-
 довъ, и онъ, наклонясь къ спѣнѣ, съ
 живоштію воскликнулъ: Геліодора!

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Эпо почно была она. Ея грудь воздымалась свободнѣе и скорѣе, когда она узнала голосъ Ринальда; душа ея развеселилась надеждою, что онъ избавитъ ее отъ тягостнаго положенія, въ кое она была вовлечена съ тѣхъ поръ, какъ мы ее оставили въ суровомъ жилищѣ Эгидія.

Слышанное ею пѣніе возбудило въ ней важныя размышленія, и она еще долго пробыла на скаль; взирала въ низъ на обьяпую ночнымъ мракомъ

глубину, и тихо повпоряла печальные звуки.—Уже ли шакова жизнь, ожидающая меня? Не уже ли многоиспытанному челоуьку, въ концъ продолжительнаго, мрачнаго пупи его, не вспрѣтятся ни одно пріятное воспоминаніе, могущее укропить жалобы его?

И чья глава, хопъ разъ сокрылась
Подъ темной мантіей твоей,
Того—жизнь—въ муку обратилась.

Или ты и меня посвятило? грозное божество!—Ты также не была счастлива, мапушка! бапюшка! вечеръ твоей жизни также непріятенъ! — Можетъ быть вы теперь оба взираете съ высопы на оставленное дитя ваше—ибо я чувствую, бапюшка, что ты уже доставилъ мой поцѣлуй мапушкѣ. Доставь ей и слезы, проливаемые мною предъ ея изображеніемъ!... Вы ли эпо шамъ на яркой звѣздѣ, кошорая теперь свѣпипшъ надо мною

во мракъ? Она замолчала; блестящіе взоры ея были усмерены на звѣзду; она горесивно улыбалась и потомъ воскликнула: Взирайте всегда на оставленное дѣло ваше; никогда не сдѣлается оно недостойно васъ!

Мракъ болѣе и болѣе сгущался и принудилъ Геліодору сойти. Ошдохнувъ около часа подлѣ спящей спутницы своей, шумъ встревожилъ ее, это былъ Эгидіо, пришедшій разбудить ее. Когда она съ Агапю сошла, по все уже было въ движеніи, и мужчины поспѣшались въ путь. Эгидіо съ женщинами находился въ срединѣ братій, изъ коихъ каждый несъ факель. Черезъ темную ущельистую долину, на краю крутой пропасти, дорога шла къ лѣсу; у его рубежа остановилось шествіе. Эгидіо безмолвно посматривалъ на своихъ друзей; они шѣснились къ нему, онъ обнялъ каждого изъ нихъ съ чувствомъ. Сохра-

ниге меня въ вашей памяти, ежели сіе объявіе было послѣднее! — Братія пустились въ обратный путь, а Эгидіо съ своими спутниками пошелъ далѣе въ темной лѣсъ, гдѣ они по нѣкоторомъ времени сѣли, чтобы дожидаться дня. Эгидіо безмолвствовалъ, а Геліодора, для которой онъ со вчерашняго дня сдѣлался еще почтеннѣе, уважала также печаль его. Когда они опять встали, то онъ сказалъ, что не прямой дорогой пойдешь въ Неаполь, а направится къ сѣверу, гдѣ мнѣе опасности. Онъ избралъ для себя одежду, соотвѣтствующую Геліодориной, и которая придавала болѣе согласія и правдоподобія ихъ обществу. Исключая нѣсколькихъ подозрительныхъ людей, встрѣчавшихся имъ порознь, и которые довольствовались разсматриваніемъ чужеземцевъ, ничто не возмущало ихъ пути, пока, послѣ нѣсколькихъ часовъ ходьбы, увидѣли толпу людей, коихъ дикій видъ успра-

шилъ Геліодору. Они сидѣли подъ развѣсистой шѣнію дуба, около пошухающаго огня. Нѣкоторые хопѣли вскочить, когда Эгидіо безбоязненно подошелъ и спросилъ о дорогѣ. Сыграйте намъ прежде что нибудь, сказалъ одинъ изъ нихъ, подавая ему флягу съ виномъ.—Между тѣмъ какъ Геліодора и Эгидіо исполняли просьбу его, послѣдній замѣшилъ, что одинъ изъ сихъ людей его внимательнѣе разсматривалъ и указывалъ его также своему сосѣду. Эгидіо сдѣлался безпокоенъ, и когда шопъ спросилъ объ опечесивѣ ихъ, то онъ опвѣчалъ припворнымъ выговоромъ, что они идуть изъ Опранша, куда не за долго прибыли на Леваншскомъ кораблѣ.—Когда они опашь пустились въ путь, то онъ сказалъ Геліодорѣ: я долженъ всего опасаться опъ сихъ людей, ежели буду узнанъ.

Они поспѣшно продолжали путь свой, пока наступленіе вечера заспа-

вило ихъ остановившись въ селеніи, не далеко отъ дороги отспоящемъ. Сельскій праздникъ привлекъ множество народу въ пракширь ; съ радостными восклицаніями привыпствовали нашихъ путешественниковъ ; ихъ присоединеніе оживило слабый хоръ органа и разспроенной мандолины. Уже было поздно; Эгидіо показалось, что въ шолпъ поселянъ, любопытно тѣснящихся вокругъ чужеземныхъ особъ, онъ опять видишь тѣхъ двухъ человекъ , коихъ внимательное разсмаприваніе его уже прежде безпокоило. — Онъ сообщилъ Геліодоръ свои опасенія , когда они оспались одни въ нуспой комнатѣ, которую имъ отвели по окончаніи праздника. Она думала, что только его разспроенное воображеніе и печальное расположеніе духа, показывали ему сіи опасности; она доказывала, сколь мало вѣроятно, чтобы его могли узнать переодѣшымъ. Ея предспавленія не могли совершенно разсѣять его без-

покойства, которое умножалось видимымъ страхомъ Агашы. — Геліодора изъискивала все, что могло развеселить его, и мало по малу удалось ей произвести тихую улыбку на пасмурномъ челѣ его. Она запѣла сію успокоивающую пѣснь :

Зачѣмъ намъ мрачный взоръ вперять
 На хладныя могилы,
 И за собою представлять
 Развалины унылы? . . .

Надъ нами жизнь еще цвѣтепъ,
 А памъ всё скрыто мглою;
 Души паренія памъ нѣпъ,
 Она полна поскою!

Когда громъ бури насъ минѣпъ,
 Взоръ вспрѣпипшъ жизни сладоспъ,
 Тогда какъ свѣшлый хороводъ
 Предъ нами вѣпся радоспъ.

Спокойну пристанъ мы пайдемъ,
 Спраданъя прекратяпся;
 Съ любовью новой жипъ начнемъ,
 Дни счасъемъ озлапшяпся!

Кто посылаетъ тебя ко мнѣ? воскликнулъ онъ, когда она замолчала. Какой добрый духъ вѣщаетъ мнѣ пивоними сладостными словами? О ежели бы ты могла быть всегда при мнѣ, ты бы облегчала скорбную грудь, заклинала бы злые часы!—Онъ схватилъ ея руку, прояснившійся взоръ съ удовольствіемъ покоился на прелестномъ лицѣ распроганной дѣвушки. Счастливъ, кто можетъ упѣшаться своею юностью! счастливо машеринское сердце, пекшееся о тебѣ съ любовью!... Видъ твой возбуждаетъ во мнѣ пріятныя воспоминанія. Я не всегда былъ такъ опшавленъ и одинокъ—ахъ! и я имѣлъ дѣтей любезныхъ, цвѣтущихъ дѣтей!—Слеза оросила его рвенцу, онъ склонилъ голову. Распроганная Геліодора прижала губы свои къ трепещущей рукѣ его.—Они сокрушены бурей, продолжалъ онъ, а я, старое засохшее дерево, изгибаюсь еще вздыхая подъ ея ударами!—Такъ спояла нѣкогда и моя

дочь предо мною ; я смотрѣлъ въ ея выразительные глаза , забывалъ прошедшія спраданія , и отъ нее надѣялся счастливой будущности. . .

Раздался глухой шумъ ; они въ изумленіи прислушиваются , какъ вдругъ дверь выламываютъ . Солдаты бросаются въ комнату и окружаютъ Эгидію и спутницъ его . Почтенный спралецъ , сильно потрясенный , споялъ съ опчаяніемъ въ подъяшыхъ вверхъ взорахъ , и горестно вскричалъ : О я знаю свою злобу , враждебная судьба !— Геліодора съ участіемъ схватила его руку ; Агапа бросилась на колѣна и молилась . Начальствующій войнами приказалъ вывести плѣнныхъ . Кареты стояли въ готовности , чтобы отвезти ихъ въ ближайшій городъ ; въ одной сидѣлъ Эгидію , окруженный своею стражею , въ другой Геліодора съ Агапой .

Подозрѣніе Эгидію было основатель-

но. Тотъ разбойникъ, который его споль внимательнѣе разспрашивалъ, въ самомъ дѣлѣ узналъ его въ переодѣяніи его. Едва путешественники удалились, какъ онъ сообщилъ товарищамъ открытіе свое, и всѣ, радуясь счастливому случаю, рѣшились угоповить неминуемую гибель предводителю ненавистнаго союза. Они знали, что лазутчики начальства съ нѣкотораго времени строго присматривали за друзьями Эгидія; ибо, не взирая на похвальную молву, имѣли еще подозрѣніе на нихъ, зная изъ опыта обыкновенную уловку разбойниковъ присоединиться къ путешествующимъ подъ видомъ охраняющихъ спутниковъ; а думали только, что сіи производятъ свое дѣло хитрѣе и скрытнѣе. Они сами разсѣвали слухи между поселянами, дабы умножить сіи подозрѣнія. — Двое изъ нихъ последовали издали за Эгидіемъ, и вскорѣ послѣ него прибыли къ практиру.

Они спѣшили устроить взятіе его подѣспражу, а попомѣ последовали за нимѣ, чшобы подшвердитѣ свой доносѣ въ судѣ.

Не бывѣ еще допрошаемѣ, Эгидіо признался, чшо онѣ глава обществѣ, соединившагося для общей безопасно-сти, и усиленно просилѣ, чшобы только освободили женщинѣ, невинно раздѣляющихѣ судьбу его.—Чего хотише вы опѣ этого человекѣ? сказала Геліодора, оспавшись одна предѣ судьями. Великодушіе и несчастіе дѣлаютѣ его равно почтеннымѣ. Нѣтъ, онѣ превыше всякаго подозрѣнія, и правосудіе можетѣ только опредѣлитѣ ему гражданскій вѣнецѣ. — Мнѣ самой казался онѣ подозрительнымѣ, когда случай привелѣ меня къ нему; но онѣ шакѣ хорошо разрѣшилѣ мои сомнѣнія, чшо я обязана здѣсь и повсюду громко говоритѣ въ его пользу. — Тупѣш разсказала она, чшо видѣла и слышала

о союзѣ Эгидіа. Учаспіе и жаръ , съ коими она говорила , возвысили пѣжный румянецъ щекъ ея , и такъ умножили прелести ея , что судьямъ , въ коихъ жилахъ текла бы юношеская кровь , и менѣе доброе дѣло показалось бы справедливымъ. Но эти сохранили достоинство лѣпъ своихъ , смотрѣли только на мертвый успавъ , а не въ одушевленные глаза Геліодоры. Сколько не доказывало ея повѣствованіе собственную невинность ея , сколько не обнаруживало каждое слово чистый , безпорочный нравъ ея , и хопя донощики не говорили ничего , что могло бы обвинить ея , но сообщество Эгидіа казалось слишкомъ подозрительнымъ , чтобы освободить ея пощасъ. Полъ ея и торжествующая сила прелести возмogli только то , что ея не послали въ обыкновенное мѣсто заключенія , а рѣшили поручить ея и Агапу подъ присмотръ въ сосѣдственный женскій монастырь. — Когда повели ея изъ су-

дебной палаты, то она увидѣла Эгидіа, сидящаго подѣ поршикомъ, окруженнаго стражею. Съдые кудри шрепепали около подпираемой рукою головы его, взоры были успремлены въ землю. Эгидіо! сказала Геліодора приближаясь, шакъ ли мы должны разспашьяся? Онъ горесіпно посмошрѣлъ на нее. О! предчувствіе, что приближеніе мое опасно; было весьма основашельно! И шебя, добрая дѣвушка, шебя долженъ я вовлечь въ свою учасінь! — Между шѣмъ, какъ она спаралась разсѣпшь его опасенія, подошелъ членъ судилища, коему было поручено доспавишь ее съ спущницей въ монаспырь. Слезы Геліодоры упали на руку Эгидіа; пронупый до глубины души, поцѣловаль онъ ее въ лобъ.

Уже нѣсколько нѣдѣль провела она въ семъ мирномъ жилищѣ, когда Ринальдо прибылъ въ ту спрану. — Довѣренность, кошорую она внушила

Игумень и всѣмъ монахинямъ, сколько ослабило строгій надзоръ, чпо пленницъ оставляли всю свободу; и уже въ первые часы ея пребыванія съ ними, всякій страхъ и подозрѣніе были изгнаны соучастіемъ о невинномъ спраданіи дѣвушки.

Въ первые дни пребыванія ея шупъ, она проводила цѣлыя ночи безъ сна, въ уединенной кельи, сшояла у узкаго решепчаго окна, позволявшаго ей наслаждаться только малою частію яснаго неба, и размышляла о новомъ положеніи, въ коемъ находилась. Хотя, при сознаніи своей невинности, она ничего не спрашила; но сколько времени еще изънь могъ ей препяиспивоавпъ спшиспъ шуда, куда долгъ и склонность ея призывали? — Въ каждое размышленіе, въ каждый взоръ въ будущность, дѣлаемые ею, невольно вмѣшивался образъ Ринальда. Какъ нашель онъ Ангелику? Можеть быпъ она съ того

несчастливаго вечера скрывалась — онъ ее опять нашелъ, и счастье ихъ свершилось? Голова ея склонялась на грудь, взоръ помрачился, и вздохъ умиралъ на устахъ, когда она повторяла себѣ сіи вопросы. — Сія неизвѣстность лишала ее всей надежды содѣйствовать къ освобожденію Эгидія и къ собственному своему, и умножала горестъ объ опцѣ. Къ кому прибѣгнущъ ей, ежели не найдешъ Ангелики и Ринальда? Какъ можешъ Принцъ Бонари споспѣшествовать ея освобожденію, ежели та, которая давала ей право на его покровительство, сдѣлалась предметомъ ненависти его семейства?

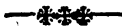
Однажды, прогуливаясь по пыльнымъ аллеямъ монастырскаго сада, погруженная въ сіи заботы, нашла она свою печальную спутницу въ уединенной бесѣдкѣ. — И тебя, сказала Гелідора, послѣ безмолвнаго сожалѣнія, и тебя огорчаетъ наше несчастіе! Ты

сердишься на меня, Агата?—Ахъ! сударыня, я гошова еще хуже эпого переносить для васъ; но меня огорчаетъ только то, что хопятъ помрачить мое доброе имя, копорому во всю мою жизнь никто не могъ вредить. — Что ты подь эчимъ разумѣшь, спросила изумленная Геліодора? — Я вѣрю, что Эгидіо невиненъ, возразила старуха, и судьямъ то же сказала, что онъ честный человекъ, да они этому не повѣрятъ—Охъ. Я не могу думать объ томъ что намъ еще предстоить! . . . Да развѣ у васъ ни кого нѣтъ, кто бы за васъ вспунился? Развѣ Мархеца умерла? О ежели бы бѣдная машушка ваша знала, что вы въ такомъ положеніи! — Она эшо знаетъ, Агата, и плачетъ объ насъ.—Старуха, въ изумленіи смотрѣла на Геліодору; — потомъ съ радостію вскричала: Такъ ее опять нашли?— Нашли? Ее уже нѣтъ на свѣтъ! отвѣчала дѣвушка; и когда Агата съ возрастающимъ удивленіемъ

спросила: Гдѣ смерть постигла Серену? по Геліодора рассказала ей по , что мы уже сообщили при началѣ сей исторіи , — описала ей счастье ихъ малаго семейства , и внезапный ударъ , разрушившій оное . Старуха слушала съ величайшимъ вниманіемъ , заставляла многое повпорять , а когда Геліодора кончила , по съ умиленіемъ сказала : И такъ , она однако же еще долго была счастлива ! Потомъ , когда Агаша спросила объ Ангеликѣ , Геліодора , для копорой участь ея друга была священной тайной , избѣжала отвѣта ; опытъ сдѣлалъ ее осторожною , и она просила старуху никому въ монастырѣ не открывать ея произхожденія и связей , — предостереженіе , копорое она ей уже дѣлала въ жилищѣ Эгидія , гдѣ слышала какъ Агаша гордилась знатностію своей госпожи .

Мало по малу Геліодора привыкла къ своему уединенному жилищу , заботы

ея укропились, ей удалось и Агапины опасенія превратить въ пихую покорность судьбъ. Она болѣе и болѣе сближалась съ Игуменьей, которая обходилась съ нею дружественно, и каждый разъ разсказывалась съ сей почтенной женщиной съ умножающимся уваженіемъ. Большая часть дня проходила въ музыкальныхъ упражненіяхъ съ нею и нѣкоторыми молодыми монахинями, и въ чтеніи немногихъ книгъ, кои доставляла ей Игуменья опѣ наспоюшеля сосѣдственнаго монастыря; а вечера проводила она въ гуспой пѣни сада; шупь пробуждались сокровеннѣйшія чувства ея, а въ груди ея открывался шихій мечпашельный міръ. И въ семъ мечпашельномъ мірѣ меланхолическаго сумрака являлись многіе плачущія группы, но рѣдко показывались веселые свѣшлые виды.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Тщешно ожидалъ Ринальдо возвращенія пріятныхъ, звуковъ поразившихъ сердце его, доколѣ наспувившая ночь принудила его удалиться. Въ сомнѣніи, почно ли онъ слышалъ голосъ Геліодоры, или желаніе сердца его обмануло; достигъ онъ монастырскихъ воротъ, а отшуда по аллеѣ, просеченной въ лѣсу, дошелъ до обработаннаго мѣста, гдѣ различилъ нѣкоторыя строенія.— Это была большая арсуда, принадлежавшая монастырю; жители оной приняли его весьма гостепріимно.— Онъ направилъ разговоръ, и хозяева рассказали ему съ набожными восклицаніями о злой суешности пеперешняго юношества, что за нѣсколько недѣль привезли въ монастырь прекрасную дѣвушку, ко-

порая, какъ имъ за вѣрное ушверждали, не хопѣла добровольно поспиричься. Ринальдо внимательнѣе слушалъ, онъ жедалъ подробнѣйшаго описанія, и не могъ уже сомнѣваться, что рѣчь идееть о Геліодорѣ, когда хозяйка, видѣвшая часно незнакомку прогуливавшуюся съ Игуменьей, подробнѣе описала ее.—

Онъ не могъ понять, какими обспояпельспвами она повержена въ шакое положеніе; извѣспіе весьма походило на опибку—однакожь воображеніе его съ жестокою дѣяпельсноспію спаралось придумашъ возможную связь оныхъ. Сонъ убѣгалъ опъ его ложа. Онъ чувспвовалъ какую гореспъ причинилъ ему подпверженіе сего извѣспія; въ первый разъ чувспвовалъ, сколь сильно сія новая испинная любовь сопряжена съ его жизнию.—На слѣдующее унпро онъ велѣлъ доложилъ о себѣ въ монаспырѣ, какъ о близкомъ родспвенникѣ Геліодоры, и безъ запрудненія получилъ позволеніе ее видѣшь.

Ожидая съ неперпѣніемъ ея прихода, онъ ходилъ скорыми шагами взадъ и впередъ по шемной гошически украшенной приѣмной, и ежеминушно смолпрѣль на рѣшепку, опдѣлявшую его ошъ жилища монахинь. Наконецъ боковая дверь ошворилась, сердце его забилося сильнѣе, ноги влекли впередъ. Бѣлая, полная ручка, тихо опиворявшая дверь, шеперь показала въ шемномъ переходѣ—и вопшь она стояла передъ нимъ прелеспная краснѣющая. Безмолвно пошпила она блестящіе глаза. Геліодора! воскликнулъ онъ наконецъ — какъ на кожу я васъ оняшь?

Она имѣла довольно женской сущности, чшобы показашь болѣе удивленія о внезапномъ явленіи его, нежели было еспественно послѣ шого, чшо слышала прошедшимъ вечеромъ. — Когда она кончила повѣспвованіе новѣйшихъ приключеній своихъ, по нѣкопорыа сомнѣнія безпокоили Ринальда, потому

что Геліодора не совсѣмъ удовлетворила его на счетъ причинъ заключенія Эгідія. Я при вашемъ бѣдствіи не безъ опасенія, сказалъ онъ по задумчивомъ молчаніи. Вы можете быть и не ошиблись въ семь спраннымъ человекѣ, и я съ вами готовъ ручаться за его невинность, но въ повѣствованіи его судьбы есть нѣчто скрытное, которое меня беспокоитъ. Вспомните какъ говорилъ онъ о прежнихъ связяхъ своихъ? Это можетъ быть были невинныя связи, но положеніе его тѣмъ не менѣе опасно. И не изгнанникъ ли онъ?—Благословляю судьбу свою, продолжалъ онъ помолчавъ, приведшую меня такъ скоро къ вамъ, исполнившую мои желанія! Ангелика меня такъ усиленно просила, а еще сильнѣе влекло собственное желаніе опыткашь васъ. Какъ обрадуется сія великодушная женщина, что можете содѣйствовать къ вашему освобожденію и пошчасъ привязать новаго друга столь прекрасными узами благо-

дарности!—Вы нашли Ангелику? прервала Геліодора поспѣшно, о расскажите мнѣ!—Онъ исполнилъ просьбу ея, и когда дошелъ до того, когда друзья его, въ вечеру достопамятнаго дня, съ нимъ разстались, то сказалъ: Я не могу выразить вамъ чувства, объявшаго меня, когда увидѣлъ себя такъ совершенно оставленнымъ. Ужели всѣ виды будущаго зашмились? спрашивалъ я самъ себя. Ужели всѣ надежды, оживлявшія юношеское сердце мое, на всегда удалились?—Онъ смотрѣлъ въ глаза Геліодоры. Она прервала опасную остановку: Вы еще не облегчили моего сердца отъ одвой заботы! Доставили ли вы батюшкѣ поклонъ мой? Пеклась ли Ангелика объ немъ? Ринальдо могъ доставить ей печальное извѣстіе, и въ замешательствѣ молчалъ нѣсколько минутъ. Она поблѣднѣла. Ахъ! не скрывайте отъ меня! вскричала она, онъ умеръ?—Вы опредѣлены рано спрѣдаться и переносить несчастія! ошвѣчалъ онъ

съ участіемъ. Она упала на стуль и закрыла лице. Онъ умеръ! сказала она по крайкомъ молчаніи, и устремила печальный взоръ на небо—и поскока обо мнѣ сдѣлала послѣдніе часъ его горестными!—Она вспала, и медленно удалилась. Позволише ли, сказалъ Ринальдо, провожая ее, чпобы я не удалялся опъ сихъ мѣстъ, чпобъ бышь въ гошовности подашь вамъ помощь, ежели она будешъ нужна въ сомнишельномъ положеніи вашемъ? Онъ могъ чпшашъ благодарность за участіе его въ ея важныхъ шихо улыбающихся черпахъ, когда глаза ихъ въ послѣдній разъ вспрѣшились. Она удалилась въ свою келью, и сердце ея предалось горести о любезномъ усопшемъ.

Ринальдо, возврапясь въ аренду, нанялъ опшведенную ему комнашу подѣ предлогомъ, чпю въ незнакомкѣ нашель близкую родственницу, которую въ опсущствіи его привезли сюда безъ

его согласія, и что онъ долженъ здѣсь остаться, пока сіе дѣло устроится. Попомъ поспѣшилъ въ городъ, дабы подробнѣе освѣдомиться о дѣлахъ Геліодоры, и, ежели возможно, дасть имъ благопріятный оборотъ. Знакомый, котораго онъ памъ случайно нашель, доставилъ ему благосклонный пріемъ. Объясненіе, данное имъ Губернапору о важныхъ связяхъ Геліодоры, хопя было не безъ дѣйствія и разсказъ его подтвердилъ показанія ея; но спроргій судья думаль, что не вѣроящю должно предоставишь рѣшеніе, долженствующее бышь только вѣрнымъ слѣдспвіемъ справокъ. Просьбу Ринальда позволишь ему поговоришь съ Эгидіемъ, тѣмъ рѣшительнѣе опказывали, чѣмъ убѣдительнѣе онъ ее возобновляль. Онъ могъ только узнашь, что Эгидію постоянно опказывался объявишь свое имя и пребываніе друзей своихъ, пребуя, чшобы прежде сообщили вышнему начальспву сдѣланная уже имъ донесенія.

Вечеромъ, возврапясь домой съ симъ слабымъ упѣшеніемъ, прохладныя пѣни заманили его въ адлею. Онъ обошелъ монастырскую ограду до того мѣста, гдѣ его вчера восхишило пріятное пѣніе Геліодоры, и наконецъ нашелъ калишку, ведущую изъ саду въ лѣсъ. Она была только припворена. Надежда, что можетъ быть найдетъ онъ Геліодору далѣе въ лѣсу, окрыляла шаги его. Радостно превожимый каждымъ дуноведіемъ вѣтра, колеблющаго куссарникъ, прошелъ онъ различныя дорожки, пробиваясь подъ деревьями, пока достигъ конца горы. Опшуда показалаь ему пріятная долина, копорую онъ вчера оставилъ, въ волшебномъ вечернемъ освѣщеніи. Онъ сѣлъ на скамью, образуемую двумя пнями высокихъ, сросшихся кашпановыхъ деревъ. Взоры его блуждали по шрѣ странъ, по лѣвистымъ высотамъ, по дѣяшельной мирной жизни въ низу, и наконецъ остановились на жилище незнакомаго друга его, кое

мало по малу скрывала сгущающаяся
 тѣнь, между тѣмъ какъ лучъ заходя-
 щаго солнца освѣщаль еще опдаленныя
 скалы. — Душу его занимали слова сего
 человѣка: чѣмъ болѣе онъ объ немъ
 вспоминалъ, тѣмъ достойнѣе почтенія
 сшановился онъ для него. Буду ли и я
 нѣкогда озираться на прекрасную Ар-
 кадію? воскликнулъ онъ; или печальный
 видъ пошеряннаго рая всегда будешь
 преслѣдовашь меня? Не лишусь ли и я
 бодрости? не буду ли и я наконецъ
 блуждать только между разрушенными
 надеждами?... О только въ семь же-
 ланіи, которое душа моя всѣми силами
 нишаепь—только въ семь желаніи, да
 не буду обманушь!... Я читаю бла-
 годарность въ ея покойныхъ взорахъ,
 соучаствующую благосклонность, но
 не любовь—нѣшь не любовь!

Онъ погрузился въ печальныя размы-
 шленія и сидѣлъ въ задумчивости, под-
 черши голову рукою, какъ вдругъ близкій

шорохъ развлекъ его. Онъ вспалъ, и увидѣлъ Геліодору разговаривающую съ монахинею; онъ всходили по боковой шропинкѣ, и не прежде примѣтили его какъ подошедъ близко. Онъ казались весьма распроганными. — Геліодора предспавила Ринальда Игуменьѣ какъ родспвенника: онъ сообщилъ ей извѣстія объ Эгидіо, а Игуменья сказала: Вы можете бышь увѣрены, Синьоръ, что Геліодора находится между друзьями, кои всячески спараюшя заспавишь ее забышь свое несчастіе, и увѣришь ее, что она добровольно между нами находишя. Она удалилась и нѣсколько минушь наслаждалась превосходнымъ видомъ; между шѣмъ Ринальдо просилъ Геліодору написашъ къ Ангеликѣ: ей нужно только узнашь ваше положеніе, чтобы поспѣшишь къ вамъ на помощь. Препоручая мнѣ ошыскашь васъ, она сказала: Меня сильно влечешъ къ любезной родспвенницѣ; я желаю приобрѣсти въ ней друга. Она эшо сказала? — доб-

рая, любезная Ангелика! прервала Геліодора съ улыбкою, пріятно озарившею печальный видъ ея.—Игуменья подошла, и Ринальдо проводилъ ихъ почти до садовой ограды. Тупъ поклонъ ея напомнилъ ему, что время удалиться.

Насладимся еще вечерней прохладой, ежели вы не желаете оспаться однѣ— сказала она Геліодоръ, когда онъ были въ концѣ обширнаго сада. Молча шли онъ, одна подлѣ другой, по берегу небольшого озера, погруженные въ задумчивость, пока Игуменья прервала молчаніе: Другъ мой, для чего скрываете вы отъ меня то, чего бы не должны шайшь? Для чего вы со мною неопшкровенны, Геліодора? Или вы думаете, что я бы васъ менѣ любила, болѣе бы ограничила свободу вашу, ежели бы знала, что эшопъ человекъ не родспвенникъ вамъ? Она замолчала; Геліодора покраснѣла.—Что я отъ свѣша опказалась, продолжала она, показывается

сія одежда, но я не опрeклась опъ лю-
 дей, опъ соучастія въ чужой радости
 и печали. Давича, когда мы разговари-
 вали о мрачныхъ и свѣшлыхъ споро-
 нахъ жизни, я уже сказала вамъ, что
 я сама испытана въ спраданіяхъ, и на-
 училась соспрадашь другимъ. Она схва-
 щила руку Геліодоры и прижала ее къ
 своему сердцу. О другъ мой! какія бы
 спраданія не удручали сердца вашего,
 они ничто прошивъ пѣхъ, кои пре-
 слѣдовали меня въ сіе уединеніе. Теперь
 еще, послѣ пятнадцати лѣтъ, смуща-
 юсь я при семъ воспоминаніи. Любез-
 ная дѣвушка! Давно уже я лишена ушѣ-
 шеній дружбы, съ пѣхъ поръ какъ опла-
 киваю пошерю друга благороднаго, ма-
 терински расположеннаго, кошорая ме-
 ня ободряла, и нѣкогда изцѣляла уны-
 лый духъ мой своими нѣжными ушѣ-
 шеніями. Я хочу бышь вашимъ другомъ!
 сказала Геліодора, хочу на всегда соеди-
 нисься съ вами! Я шеперь бѣдна и осшав-
 лена; при первомъ вступленіи въ свѣшъ

дѣлало преступленіемъ, но увы! судьба научила меня слишкомъ узнать ихъ. Съ двѣнадцатаго года меня воспитывали въ монастырѣ, приучали къ предметамъ, съ которыми я возраспала, а какъ меня ничто не привязывало къ свѣту, то я покойно ожидала времени, когда должна торжественно опказаться отъ него.—Проведя здѣсь шесть лѣтъ, я уже должна была вступить въ самый дѣлъ въ оный, но мапушка хотѣла имѣть меня прежде нѣсколько мѣсяцевъ при себѣ. Родители мои проводили лѣтнее время въ загородномъ домѣ своемъ, близъ Неаполя; мнѣ должно было прожить съ ними тамъ до конца осени, а потомъ навсегда разстаться съ родительскимъ домомъ.—Послѣ знойнаго лѣтняго дня, насталъ прекрасный вечеръ; все наше семейство сидѣло подъ деревьями передъ виллою и ожидало старшаго брата моего, долженствовавшаго прибыть наканунѣ въ Неаполь изъ своего полка, споявшаго въ Сици-

ліи. Дѣсять лѣтъ уже не видала я его, и сердечно радовалась сему свиданію. Уже сдѣлалось поздно. Наконецъ показалось намъ, что въ дали появилась кареша; радостно побѣжала я ей на встрѣчу. Когда я находилась въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нее, кареша остановилась и двое мушкетеровъ выскочили изъ нее. Между шѣмъ какъ одинъ изъ нихъ оставался еще у карешы, другой шелъ ко мнѣ! Я почла его за брата моего, коего черты уже изгладились изъ памяти моей, съ живостію бросилась я къ нему,—Братецъ! вскричала я, и сжала его крѣпко въ своихъ объятіяхъ. Сударыня, сказалъ онъ, шихо освобождаясь изъ оныхъ—я бы желалъ въ сію минушу, чшобы вы не ошибались.— Я не имѣла времени опомнишься, какъ другой подбѣжалъ, схватилъ меня и съ восклицаніемъ: Цецилія! ты ли это, сесиприца? крѣпко прижалъ къ своему сердцу. Я приклонила лице къ груди брата, чшобы скрыть свое замѣшательство.

Братъ представилъ мнѣ своего, спутника, какъ лучшаго друга своего, служившаго долго съ нимъ; и слегка улыбнулся моей ошибкѣ, между тѣмъ какъ мы шли впередъ. Я радовалась умножающейся шемнопѣ, скрившей пламенный румянецъ щекъ моихъ. Незнакомецъ за ужиномъ сидѣлъ между мапушкой и мною; онъ оказалъ сполько дарованій и понкой образованности соединенныхъ съ проспошою, что дріобрѣлъ уваженіе и довѣренность моихъ родспвенниковъ. Онъ оспался весь слѣдующій день, и въ печеніи шрехъ мѣсяцевъ, кои братъ пробывъ у насъ, очень часто посѣщалъ насъ. Онъ всегда обходился со мною съ нѣжной внимательностію, поступалъ пакъ снисходительно съ моей робостью, которая была слѣдспвіемъ моего воспитанія, и пакъ умѣлъ своимъ вниманіемъ возбудишь во мнѣ самонадѣянность, что бесѣда его мало по малу дѣлалась для меня не споль пятгоспною какъ сначала, когда я не могла смопрѣпъ на

него не краснѣя. Онъ уже былъ не очень молодъ, а прекрасный мущина зрѣлыхъ лѣтъ, въ коемъ все возвѣщало чувство собственной силы и достоинства. Удивительная переменна, происходившая во мнѣ съ той минуты какъ я его увидѣла, дѣлалась мнѣ все замѣтнѣе, и я теперь уже не могла думать безъ содроганія о приближающемся времени, долженствующемъ испробить сіи рождающіяся чувства. Тоска моя усиливалась, когда желтѣющія листья возвѣстили конецъ осени, и когда начали дѣлать приугошвленіе къ переменѣ моего сосоянія. Незнакомецъ приходилъ все чаще, и иногда сколько мало скрывалъ свое участіе ко мнѣ, что мапушка начала беспокоиться.—Предавшись печальнымъ чувствамъ, сидѣла я однажды въ самомъ темномъ мѣстѣ сада; родители мои поѣхали съ посещеніемъ въ соседственную виллу; братъ былъ въ Неаполь для нѣкоторыхъ распоряженій къ близкому ошѣ-

ѣзду своему. Въ глубокомъ размышленіи я вдругъ подняла голову и Алессіо — такъ назывался незнакомецъ — споялъ передо мною. Въ смущеніи хопѣла я вспасть; онъ удержаль меня и сѣлъ подлѣ меня. Онъ приѣхаль съ моимъ братомъ и слышалъ опъ него, сказалъ онъ мнѣ, что я назначена для монастыря, жаловался на свою судьбу и кончилъ изъясненіемъ любви. Хотя бы онъ и не вынудилъ у меня признанія, по нѣмое замѣшательство мое, пренепащая рука, копорую онъ держаль — все должно бы опкрышь ему, что онъ любимъ. Сильнѣйшее желаніе брата моего было привязашь своего друга споль близкими узами, но онъ спрашился сильнаго сопропивленія набожной маиери нашей. Опца онъ легко убѣдилъ въ пользу друга своего, ибо хоша Алессіо пропиходилъ не изъ богатѣйшихъ домовъ Сициліи, но такъ вошелъ въ милость у Короля, что уже занималь важное мѣсто въ государствѣ, и имѣль еще

блиспашпельнѣйшіе виды. Долго пропивилась мапушка просьбамъ опца моего ; онъ представлялъ ей , сколько чрезъ сей союзъ облегчится повышеніе брашьевъ моихъ , наконецъ она согласилась предоспавить рѣшеніе сего дѣла благочеспивому мужу , который пользовался ея довѣренностію . Брашъ мой и Алессіо умѣли склонить на свою спорону сего благочеспиваго челоуѣка ; онъ успокоилъ сомнѣнія мапушки и увѣрилъ ее , что она можешъ инымъ образомъ выполнитъ свой обѣщъ . — Теперъ всѣ препашспвія были побѣждены , и мы предались блаженнымъ мечшамъ . Пушешспвіе въ опешспво , и распоряденія , которыя мой любезный долженъ былъ сдѣлать , чшобы прилично показаться въ сполитцѣ , пребовали опсрочки ; чрезъ полгода прекрасныя узы должны были соединить насъ на вѣкъ—Ахъ ! они слишкомъ скоро были прерваны . Бѣдешвіе , постигшее опешспво Алессія , раззорило Большую

часть его родительскаго имѣнія, сильно возспали завистники прошивъ него, и когда, не взирая на сіе, соединеніе наше приближалось, то домашнее дѣло, не перпящее оплагашельства, принудило Алессія предпринявъ продолжительное, опасное путешествіе. Враги его воспользовались сямъ отсутствіемъ, и молва о рѣшительномъ паденіи его разнеслась. Привязанность отца моего къ нему охладѣла, и ма-тушка, коей совѣсть никогда совершенно не была успокоена, охотно соглашалась съ нимъ. Нѣсколько мѣсяцевъ по отъѣздѣ моего любезнаго, извѣстіе о его смерти распространилось. Теперь уже ничто не могло спасти меня; рѣвностнѣйшій защитникъ мой, старшій братъ, былъ въ Сициліи—одна знатная пріятельница шщетно просила не спѣшишь, попому что извѣстіе было еще сомнительно. Ахъ! я сама не вѣрила слабому утѣшенію, которое она мнѣ подавала, и часто желала удалиться

въ уединеніе, ибо свѣтъ, котораго онъ уже не обиталъ, пошерялъ въ моихъ глазахъ всю прелеснь свою! Меня привезли въ сей монашпырь, и вскорѣ пошомъ я должна была произнести обѣщъ, удалившій меня навсегда отъ него.

Она замолчала и положила склоняющуюся голову свою на грудь Геліодоры. Бѣдный, несчастный другъ! воскликнула послѣдняя, сжимая крѣпче въ своихъ объятіяхъ скорбящую. И вы послѣ ничего не слышали объ Алессіо?—Ничего! сказала тихо Игуменья. Сначала ужасная мысль тревожила меня: Ежели онъ еще живъ! ежели возрапится? Но когда я приступала къ своей пріятельницѣ, то она всегда отвѣчала: Онъ умеръ для насъ всѣхъ!

Заблаговѣспили ко всевечной. О какъ часто сіи звуки заспавали меня безъ сна на жестокомъ одрѣ!—сказала Це-

цилія, приближаясь къ монастырю Какъ
часто прогоняли сонъ, представляв-
шій счастливыя мечты расперзанному
сердцу!

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Тщешно стараюсь объяснить внутреннее смятение свое. Я ищу свѣта, и нахожу душу объятую туманомъ.— Куда влечетъ сіе желаніе? куда сіе стремленіе, наполняющее грудь мою и привязывающее меня къ темнымъ, едва понятнымъ желаніямъ!... Гдѣ по мирное, ясное небо, въ коемъ прежде отражалась душа моя, которое благопворнымъ свѣтомъ своимъ озаряло и мрачныя впечатлѣнія!—Я сижу въ бездѣйствіи, шатаюсь въ мечтахъ, изъ коихъ пробуждаюсь еще пасмурнѣе. Я не могу заняться важнымъ размышленіемъ, едва печальная цѣпь мыслей мгновенно прерывается толпою преходящихъ изображеній, носящихся вокругъ души моей... И не должна ли я признаться,

что радуюсь сему соспоанію? что люблю сіе смяпеніе, что нахожу сладчайшее наслажденіе свое въ семъ пасмурномъ неопредѣленномъ бышій!... Я не почитаю себя несчастною, но однакоже и не счастлива. Я чувствую— ахъ! я чувствую — всѣ слова недоспачны, коими хотѣла бы выразишь все, что иногда мню видѣшь пакъ ясно, и что исчезаетъ подобно легкой пѣни, когда хочу ее схватишь. Геліодора принимала искреннее участіе въ Испоріи Игуменьи. Первое впечатлѣніе, поразившее оную, имѣло сходство съ той минушой, въ копорую Ринальдо ей съ начала предспалъ; какъ скоро она оспалась одна, то занялась симъ сравненіемъ. Воспоминанія, чувства, кои опгъ того возобновились, обратили вниманіе ея на внутреннее соспоаніе свое. Теряась въ изслѣдованіи озаго, написала она спроки, помѣщенные здѣсь попому, что онъ кажется, объясняютъ расположеніе Геліодоры.

На другое утро прохаживаясь рано взадъ и впередъ, по галлерей передъ кельями, замѣтила она боковой свѣп-
 лый переходъ, по которому еще ни-
 когда не ходила. Онъ соединялъ мона-
 сьтврское строеніе съ частію жилища,
 назначеннаго для приѣзжихъ, и велъ
 чрезъ нѣсколько спуеней въ простран-
 ную приемную, въ концѣ которой дверь
 опворялась въ двѣ смѣжныя свѣплыя
 комнапы; онѣ имѣли превосходный видъ
 изъ оконъ. Такъ какъ сія часть была
 выше монастыря, по видъ проспирался
 надъ частію роци. Тамъ за зеленѣю-
 щими высотами, окружавшими долины,
 возвышались горные хребты ошдален-
 ныхъ синѣющихъ Аппениновъ; здѣсь
 показывались части смѣющихся долинъ
 сквозь прогалины лѣса.—Споя у окна,
 Геліодора замѣтила слова, написанныя
 на стѣнѣ; она подошла и читала: »Жишь,
 что значишь жишь? это значишь на-
 полнишь тѣсное пространство между
 колыбелью и могилой спраданьями,

надеждами и предчувствіями простодушнаго обманушаго сердца нашего! «Имя Ангелики, подъ сими строками, не мало удивило Геліодору; любопытствуя узнать, извѣсна ли здѣсь ея родственница, она хопѣла итти къ Игуменѣ; возвращаясь черезъ пріемную, увидѣла ее выходящую изъ боковой двери ей на встрѣчу. Я часпо провожу упреніе часы въ сей, веселой возвышенной часпи, сказала Игуменѣ, вошедъ опять съ Геліодорой въ эту комнату. Сіи слова меня пронули, сказала Геліодора, указывая ей написанное на стѣнѣ. Знаете ли вы несчастную, имѣвшую пакія минуны, въ кои могла сдѣлать сіе признаніе?—Она дочь той пріятельницы, о коей я вамъ вчера рассказывала. Она при жизни матери часпо бывала здѣсь, иногда съ нею, иногда нѣсколько мѣсяцевъ одна, и погда занимала сіи комнаты. Ея задумчивому скромному нраву, наше удивеніе было пріятно; но послѣ смерти матери

ри я ее уже не видала, и не слыхала ничего объ ней послѣ письма, въ коемъ приглашала меня оплакивать съ нею поперю благороднаго друга моего. — И шакъ я первая извѣщаю васъ о союзѣ Ангелики съ Принцемъ Бонари. — Съ Принцемъ Бонари? прервала Игуменья съ крайнимъ узумленіемъ. Невозможно, Геліодора, невозможно! — А ежели я васъ увѣрю, что сама была при бракосочетаніи? Я шакже слышала, что оба семейства имѣли прежде вражду между собою, но для того, чтобы испребишь сію ненависть, и споспѣшествовали сему союзу. Однакожь непоспѣжимо! возразила Игуменья. Я не знала причины сего озлобленія, но изъ нѣкоторыхъ темныхъ рѣчей друга моего я заключила, что она была жестоко обижена. О семъ она сохраняла всегда мрачное молчаніе.... Я помню, что не за долго передъ смертію ея, я однажды спросила о ея расположеніи къ семейству Принца, и просила ее примириться

съ нимъ. Въ самое то время говорили, что Принцъ рѣвноспно старается объ освобожденіи брата ея; изъ сего выводила я новыя побудипельныя причины и думала, не можетъ ли союзъ между Ангеликой и сыномъ Принца произвести примиреніе. Нѣтъ, нѣтъ! никогда! ошвѣчала она мнѣ съ такой вспльчивоспію, какой я никакъ не ожидала отъ ея обыкновенно споль кропкаго нрава.

Игуменья разсказывала еще многое объ Ангелкѣ и ея матери, о благородныхъ свойствахъ обихъ, о швердомъ, пронцапельномъ взорѣ послѣдней, о живыхъ чувспахъ и пылкою воображеніи первой.—Потомъ послѣдовало молчаніе, Геліодора прервала его сими словами: Давно уже должна и заплашишь долгу дружбу вашей; оказанная мнѣ вами вчера довѣренноспъ еще сильнѣе къ тому понуждаспъ меня. Вы едва знаете болѣе обо мнѣ,

какъ только имя мое, а имѣете право видѣть все мое сердце открытымъ передъ вами.—Тутъ рассказала она свое происхожденіе и всѣ злоключенія, постигшія ее съ тѣхъ поръ, какъ оставила опечесство свое, не измѣняя однакожь чужихъ пайнъ, соединенныхъ съ ея исторіей, и оставила обстоятельство своего похищенія и особенно отношенія свои къ Ринальду полубъясненными, отъ чего конечно поспрадала точность повѣспованія.— Когда она кончила, то Игуменя сказала: Мы съ тобою тѣсно сопряжены спраданіями. Я чишаю въ твоемъ сердцѣ, любезная дѣвица! вижу господствующее въ немъ нѣжное, робкое желаніе. Да будешь бѣдствіе, которое ты претерпѣваешь, только крошкимъ испытаніемъ доброй мапери! Да узришь ты исполненіе всѣхъ любимыхъ желаній своихъ!—Мапъ твоя была Сициліанка, продолжала она подумавъ—была похищена морскими разбойниками? какъ

называлась своя мать, Геліодора! — Она назвала ее. — Ты — дочь Серены? воскликнула Игуменья. Дочь Серены? повшорила она, и съ живостію обняла дѣвушку. Знаешь ли ты сколь близкая родня ты Ангеликѣ? и со мною сіе происхожденіе тебя сближаетъ, дѣлаешь тебя дороже моему сердцу! . . . О ежели бы мой другъ могла видѣть тебя, дочь несчастной племянницы, о коей она не могла говорить безъ слезъ. —

Игуменью позвали къ больной монахинѣ; Геліодора поспѣшила въ свою келью, чтобы написать письмо къ Ангеликѣ, ибо надѣялась, что Ринальдо скоро придетъ за нимъ. Сія надежда оживила сердце ея и побуждала къ скорѣйшему окончанію, чтобы быть готовою прежде прибытія его. Въ неперпѣннѣ считала она каждый часъ до обѣда, и при каждомъ шорохѣ шаговъ въ переходъ думала, что идушь зваше се въ пріемную. Ринальдо не являлся.

—За споломъ она была разсыянна и оп-
вѣчала все на выворощъ добродушной
сосѣдкѣ своей, которая хопѣла ее раз-
веселишь; а вечеромъ, находясь въ му-
зыкальной бесѣдѣ Игуменьи, ежеминутно
ошибалась и сбивала благозвучный
хоръ. Я не знаю, сказала Игуменья
улыбаясь, что сего дня такъ распро-
ило нашего друга, копорой вѣрной
слухъ бывало насъ всѣхъ поощрялъ къ
великому вниманію.—Геліодора краснѣ-
ла, и чѣмъ свободнѣе хопѣла казаться,
тѣмъ болѣе смяшеніе ея возрастало.
Она не знала чему приписать опсуд-
спвіе Ринальда, придумывала разныя
несчастія, могущія ему приключиться,
препешала при каждомъ, копорое ей
казалось вѣроятнымъ, сердилась, что
онъ обманулъ ея ожиданіе.

Въ семь безпокойствѣ удалилась она
вечеромъ въ уединеніе сада, и сѣла на
любимомъ мѣстѣ своемъ, на берегу
маленькаго озера. Ивы и широколищ-

ный яворъ, окружавшіе края высокаго берега, навѣвали ей прохладу, копорую вечерній вѣтерокъ распворялъ благоуханіемъ цвѣщущихъ кустарниковъ. Исчезающая вечерняя заря опражалась на гладкой поверхности озера, тихо плескали волны объ берегъ и играли гибкими вѣщьями ракишника, покрывающаго оплогоспъ онаго.—Геліодора по ходила скорыми шагами между деревьями, по садилась подпирая голову рукою, и пристально смотрѣла на зеркало воды. Можетъ бытъ онъ чувствуетъ себя обиженнымъ? шакъ начала она задумчиво разговоръ сама съ собою, или уѣхалъ? Но онъ обѣщаль оспащ.ся здѣсь для моей защиты! . . . Или онъ меня не любитъ? Она узумилась,—любитъ!—любитъ?—Нѣтъ, онъ меня не любитъ! сказала она печально, помолчавъ.—Ты еще никогда чистосердечно не опвѣчала себя—любишь ли ты его? —Въ изгибахъ сердца своего нашла она опвѣтъ, копорый давно соспавлялъ

сладостную тайну его.—Опть ея женской проницательности не скрылось ипо, что происходило въ сердць Ринальда въ самомъ началъ ихъ знакомства, и хотя погдашнее положеніе его не ободряло раждающихся чувствъ дѣвушки надеждою, но чувства сіи не замерли, и надежда не совсѣмъ удалась. Геліодора имѣла слишкомъ возвышенный духъ, чшобы низкая зависть могла въ немъ поселиться; образъ Ангелики споль плѣнительно начерпался въ душѣ ея, ей одной уступала она любовь сего юноши. Она не хотѣла бы купить себѣ счастья слезами Ангелики. Но не должна ли она радоваться вновь оживленной надеждѣ, когда узнала, что Ринальдо теперь навсегда разлученъ съ Ангеликой? Не должны ли чувства, копорыя послѣ разлуки съ нимъ скрылись въ сокровенныя изгибы сердца и были бы причиной продолжительной горести; — не должны ли теперь сіи

чувства съ тихимъ воспоргомъ опять
возникнуть?

Теплая ночь покрыла все мракомъ. Никакой шумъ не развлекалъ безмолвныя размышленія Геліодоры, доколѣ наконецъ прохладный вѣперокъ донесъ къ ней звуки вечерняго пѣнія монахинь. Счастливыя существа! воскликнула она, вы не знаете другихъ спраданій, какъ шѣ, кои можете усыпить благо-чеспивыми пѣснями! не знаете заботѣ, кои не изгнала бы усердная молитва! — Ахъ! можете бытъ между вами не одна Цецилія нѣкогда вмѣшивала жалобы несчастной любви въ тихое пѣніе! — Шорохъ въ кустарникѣ встревожилъ ее; она оборачивается, и Ринальдо предсталъ удивленнымъ глазамъ ея. На что вы опважились? сказала она, вскочивъ со спрахомъ. — На все, чтобы увидѣть васъ! сказалъ онъ, спѣша ей на встрѣчу.

Онъ провелъ этотъ день у незнакомаго друга своего, котораго примѣрно развеселило нечаянное свиданіе съ юношею, сдѣлавшимся ему споль любезнымъ. Ринальдо разсѣялъ удивленіе его, сообщивъ ему счастливое открытіе свое, при чемъ объяснились нѣкоторыя мѣста его исторіи, которыя онъ тогда слегка упомянулъ.—Другъ мой, сказалъ незнакомецъ улыбаясь, живость ваша показывается, что я напрасно спрашиваю, что вы не скоро освободитесь отъ вліянія погрязшей васъ спраспи... Сія легкость мыслей, свойственная вамъ, есть драгоценный даръ—она не есть легкомысліе, ибо сіе оканчивается нечесіемъ, осмѣиваетъ достойное уваженіе, и дѣлаетъ душу неспособною ни къ чему важному. Легкость мыслей, напрошивъ, показывается въ способности ума спасти спокойствіе свое, ежели оно угрожаемо, и возстановлять свое первобытное расположеніе.—Сшарайтесь сохранить сію

счастливую способность, сохраните также новую надежду, ободряющую вашу душу! — Ринальдо рассказал ему какими обстоятельством Геліодора повержена въ шеперешнее непріятное положеніе. Я знаю союзъ сихъ людей по собственному опыту, сказалъ незнакомецъ. Возвращаясь съ моимъ малюшкой изъ путешествія въ Калабрію, около году тому назадъ, на насъ напали разбойники вечеромъ, не подалеку отъ Самріано; они конечно почли за хипрось нашу мало общающую наружностью. Уже готовились они насъ совершенно ограбить, какъ четверо или пятеро охотниковъ подскочили, освободили насъ, и даже выдержали жестокое сраженіе противъ дерзкихъ разбойниковъ. Провожая насъ до мѣста ночлега нашего, рассказывали они мнѣ о своемъ союзѣ, говорили съ восшоргомъ и любовью о своемъ начальникѣ, коего называли Эгдію. Ихъ образованный умъ и благородная дѣятельность пошчасъ

внушили мнѣ уваженіе. Ринальдо ска-
 залъ, что такое свидѣтельство мо-
 жетъ быть полезно плѣннику, и оба
 согласились употребить оное въ его
 пользу. Незнакомецъ обѣщаль удаляю-
 щемуся другу скоро посѣпить его въ
 пеперешнемъ жилищѣ, а Ринальдо, какъ
 скоро возвратился, въ сумерки пошелъ
 вверхъ по аллеѣ. Онъ надѣялся встрѣ-
 пить опять Геліодору, можетъ быть
 заспать ее одну; только обольщенный
 сею надеждою удалялся онъ сегодня.
 Скорыми шагами всходитъ онъ по
 аллеѣ, пробѣгаетъ всѣ дорожки рощи,
 дожидается долго подъ каштановыми
 деревьями, не видя любезнаго предмета,
 занимающаго сердце его. Теперь при-
 ближается къ саду, но калипка, ко-
 торую онъ вчера нашель, была замкну-
 та. — Въ негодованіи на обманутую
 надежду, толкаетъ онъ ее, и калипка
 ошворяется. Онъ входитъ, и скрываетъ
 ся въ кустарникъ, кошорый заграж-
 даетъ ее снушри. — Глубокое безмолвіе

царствуетъ вокругъ: онъ сражаешся съ желаніемъ и страхомъ быть открыту, пока едѣлалось темнѣе и наконецъ звонъ колоколовъ возвѣспилъ, что онъ менѣе подверженъ опасности по причинѣ вечерней молитвы монахинь. Тихо пробираешся онъ вдоль стѣны длиннаго строенія, смотришь на каждое освѣщенное окно. Наконецъ идешь печально въ находящійся передъ нимъ кустарникъ, и когда уже опказался онъ опъ всякой надежды, она наилучшимъ образомъ исполнилась.

Я на все отважился, чтобы васъ видѣть! повпорилъ Ринальдо, на все, чтобы насладиться однимъ взоромъ вашимъ!—Прощу васъ, сказала Геліодора, не мешкайте въ семь мѣстъ; ежели васъ здѣсь застанутъ, вы себя и меня ввергнете въ мучительнѣйшее замѣшательство. — Пока слышно сіе пѣніе, возразилъ онъ, я ничего не бо-

юсь. Мнѣ нужно было видѣть васъ, чтобы взять письмо, которое должно быть завтра поутру въ городѣ, и извиниться, что не освѣдомился сегодня о вашемъ здоровьи. Къ симъ обязанностямъ присоединились корысполюбивыя желанія сердца моего.—Письмо было уже готово поутру, сказала она, подавая его,—потому что я ожидаю вашего посѣщенія.—Смѣю ли льстить себѣ, что вы думали нѣсколько и обо мнѣ, или только письмо напоминало вамъ меня?—Вы съоль великодушно принимали участіе во мнѣ—возразила Геліодора, я не неблагодарна и умѣю цѣнить дружбу.—

Благодарность предполагаетъ неравное отношеніе; благодарность и дружбу можно раздѣлять со многими—Но есть нѣчто основанное на равенствѣ и согласіи, и что даруется только одному нераздѣльно, но сему одному до-

спавляєшь небесное блаженство... Ахъ и я съ пылкимъ юношескимъ духомъ спремился къ сему блаженству, но оно по видимому никогда ни снидесть въ мое опустѣлое сердце!—Они медленно прохаживались подъ тѣнью яворовъ; Геліодора молчала; сердце ея сильно билось; рука задрепетала, когда Ринальдо схватилъ ея въ молчаніи.

Сія минути ожиданія пріятнаго признанія, сіе темное но вѣрное предчувствіе, сіе искренное, никакими словами несопровожаемое шайное согласіе, сія вѣсна любви—О! кто можешь описать ея прелести тому, кто никогда не испыталъ ея.—Дорожка подъ деревьями привела ихъ къ круглому холмику на концѣ озера. Мѣсяць взошелъ, сіяніе его озарило прелестныя ихъ особы.—Ринальдо остановился; расстроганная душа изображалась въ глазахъ его. Дѣвушка шо пошуняла взоры, шо под-

нимала и устремляла ихъ на блестящіе глаза юноши. — Геліодора! продолжалъ онъ съ нѣжностію, знаете ли вы сіе *нѣчто*, водворяющее блаженство въ грудь счастливецъ? Да, вы его знаете! О! безмѣрно счастливъ попъ, кого нѣкогда ваши уста въ немъ увѣряшь! Какъ можешь сіе увѣреніе бѣдной, зависимой дѣвушки сдѣлать счастливымъ: мое ограниченное положеніе принуждаетъ меня опъ многого опрекашья. — Ничто не дѣлаетъ независимѣе, возразилъ Ринальдо, какъ владычество надъ сердцами, владычество, основанное на опличномъ преимуществѣ, соединяющемъ опдѣльныхъ людей; и кто бы захотѣлъ опказаться опъ сего пріятнаго владычества, когда сіи руки управляютъ скупетромъ! — Послѣдовало безмолвіе; пламенные уста его покоились на ея рукахъ. — Съ тѣхъ поръ, какъ я васъ узрѣлъ, началъ онъ опять распроганнымъ голосомъ, всякій

прежній образъ удалился изъ души моей, всякое другое чувство умолкло, только одно, привязывающее меня къ вамъ, заняло всю душу мою. . . . Но увы! это уже мой несчастный удѣлъ, быть обманутымъ жесточайшимъ образомъ въ сладчайшихъ надеждахъ, кои пылало сердце мое!

Геліодора, въ сладосномъ замѣшательствѣ своемъ, не замѣшила, что пѣніе монахинь уже давно умолкло. Пришедъ въ себя, она прислушивается, и въ поже время ей показалось, что видѣтъ бѣлыя одежды нѣсколькихъ монахинь при входѣ монастыря. Спасайтесь! спасайтесь! вскричала она, и повлекла Ринальда съ холма въ частный кустарникъ. Онъ слѣдовалъ охотно влеченію нѣжной руки ея, держалъ ее крѣпко, когда она хотѣла освободить ее, и обнялъ ее нѣжно. Вы изгоняете меня, не давъ мнѣ на дорогу утѣшительнаго слова; смѣю ли я надѣяться?

могу ли видѣть васъ опять здѣсь въ эшопѣ же часъ?—Геліодоръ послышался шаги приближающихся.—Надѣйтесь! приходите! сказала она вырываясь въ страхъ, и исчезла. Ринальдо остался въ кустарникѣ пока все утихло. Испребивъ слѣды насильственнаго оппиранія у садовой калипки, онъ полетѣлъ съ радостнымъ сердцемъ чрезъ лѣсъ.

Какъ скоро Геліодора освободилась изъ рукъ его, то ударила поспѣшь струны люлли, чтобы не возбудишь подозрѣнія поздней прогулкой своей; она встрѣтила приврашниду, уже давно искавшую ее, кошорая сказала, что Игуменя желаетъ видѣть ее завтра рано по утру. Около часу поспѣшь назадъ пріѣхали гости, сказала она; я ихъ еще не видала, а думаю, что это родственники Игуменя.

Еще волнуемая смѣнявшимися въ ней чувствами, вошла Геліодора въ свою

келью. Она находилась въ томъ состоянїи, гдѣ не различающъ ни одного чувства, а только умноженная живость, возвышенное благосостояніе, наполняетъ все естество наше.—Въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ, которыя провела она въ поспѣхахъ, пока пришла Агата, Геліодора возобновила въ памяти всѣ впечатлѣнія, кои сердце ея испытало въ протекшій часъ—нѣжное безпокойство, владѣвшее ею, прїятную нечаянность, кою оно было разсѣяно, и наконецъ всѣ прелести крапкого разговора.—Онъ любитъ меня! вскричала она съ такимъ восторгомъ. Взоры, слова его это такъ ясно, такъ прогипнотически изъясняли!... Не слишкомъ ли холодно я съ нимъ обошлась? ахъ онъ меня искренно любитъ!... Не ошибся ли онъ въ моихъ чувствахъ? не почелъ ли холодною и нечувствительною! Не показались ли ему равнодушїемъ радость и смятеніе, коихъ не могла я преодолѣть!—Она задумалась,

вспала , прошла нѣсколько шаговъ ,
оспановилась, прижала сложенные ру-
ки къ сердцу и воскликнула съ радост-
нымъ волненіемъ: Ты мой? превосход-
ный, благородный юноша! ты мой?—
ахъ, я чувствую, что и въ моей душѣ
сильнѣе, нежели когда либо раздается:
Я своя! Ринальдо, своя!

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Первые лучи утренней зари разбудили Геліодору , и передъ гласомъ пробуждающагося дня умолкли волшебные звуки , копорые обманчивый богъ сна представлялъ душѣ ея. Картины сновидѣнія смѣшивались съ событіями прошедшаго вечера , копорыми сердце ея вновь наслаждалось въ воспоминаніи , доколь Геліодора вспомнила , что Игуменя ожидаетъ ея посѣщенія.

Уборный сподикъ задержалъ ее сего дня четверть часа долѣе , пошому что въ первый разъ надѣвала со вкусомъ сдѣланное утреннее платье , которое Игуменя шайно прислала въ

ея келью. Когда она одѣлась, по было еще очень рано; почему ей и хотѣлось провести прежде часъ въ веселыхъ комнапахъ, опкрытыхъ ею вчера. Она не обратила вниманія на нѣкоторыя переменны замѣшныя въ оныхъ, и подошла къ окну, чшобы привѣпсвовашъ восходящее солнце. Не долго пробыва она шупъ, какъ изъ сосѣдственной комнапы вошла прелестная женщина, облеченная въ легкое упреннее плашье. Нѣсколько минутъ смопрѣли обѣ въ изумленіи другъ на друга. Теперь Геліодора догадалась, что переменны въ комнапѣ должны бы дапъ ей замѣшпшъ, что она сдѣлалась жилищемъ пріѣзжихъ госпей: она извинилась съ пріятноспію. Между шѣмъ незнакомка подошла ближе и сказала: Для меня было бы весьма лестно, ежели бы знакомспво, которое доставляетъ намъ случай, было для васъ споль же пріятно какъ для меня. Тихая горестъ, которую Геліодора

чипала на лицѣ незнакомки, и непо-
рочный нравъ, видимый сею въ чертахъ
дѣвушки, произведи участіе и довѣ-
ренность съ обѣихъ споронъ и вскорѣ
испребили всякое тягостное принуж-
деніе.

О какъ счастливы вы въ семъ уеди-
неніи! сказала незнакомка, поговоривъ
нѣсколько времени о прелестяхъ сей
спраны — сіи синѣющія горы оудѣ-
ляютъ васъ ошъ шумнаго свѣша, ошъ
кого обмановъ вы навсегда защище-
ны. — Вы, кажется, спойте на грани-
цѣ, и уже произносите ему вѣчное
прости — о да не прельстятъ васъ
ничшо къ возвращенію въ оный! Чѣмъ
пріятнѣе и восхищительнѣе виды онаго,
тѣмъ скорѣе превращающся они въ
ужасныя чудовища, и перзаютъ усп-
рашенное сердце!... Когда вы постри-
жетесь? Удивленная Геліодора ошвѣ-
чала, что она здѣсь недобровольно
находится, а заведена сюда превратно-

спію судьбы. — А шакъ по неволь? Сожалю объ васъ! Можешъбышь вы оспавили за горами желанія, коихъ преслѣдованія никогда не избавишесь. Съ учаспіемъ схватила она руку Геліодоры и продолжала: Откройтесь мнѣ! я пробуду здѣсь нѣсколько времени, вы во мнѣ найдете друга, копорый можешъ бышь вамъ полезень. — Геліодора примѣшила ея недоразумѣніе, и вкращѣь рассказала, какого роду насиліе ее здѣсь удержишаетъ. Взоры незнакомки сдѣлались пасмурнѣе; она заспавила повпоришь себѣ нѣкоторыя обшоящельства. — Спранно, сказала она задумавшись, весьма спранно!. Любезная дѣвица, кажешся вы избѣжали великой опасности! Я подозрѣваю шущъ злоумышленія, коимъ охошно предавалось безвинное сердце ваше. Благодарите небо, разрушившее ихъ въ началѣ!.. Но положеніе ваше кажешся мнѣ еще весьма сомнишельнымъ. Вы ничего не предпринимали чшобы оно поправитъ? —

Я писала къ оной родственницѣ въ Неаполѣ, сказала Геліодора. Въ Неаполѣ? По выговову судишь: вы изъ Сициліи? — Геліодора назвала свое опечество. . . Изумленная незнакомка посмопрѣла на нее. Нѣкое предчувствіе, казалось, поразило душу ея. Геліодора! воскликнула она съ живоспїю и простерла руки. — Ангелика! вскричала дѣвушка, и бросилась въ опшвершья объяпія — ты Ангелика? — наконецъ я шебя—нашла! Крѣпко прижали онѣ другъ друга, и согласныя души ихъ сблизились. — О ты любезная! во срененіе которой мое сердце пакъ сильно спремилось — коей судьбу я споль часпо оплакивала! говорила Ангелика, прижимая друга крѣпче къ груди своей. Какъ будшо спрашась новой разлуки, и желая увѣришься въ едва найденномъ, руки ихъ пребыли переплешенными, онѣ полько взглядывали вверхъ, для изліянія полношы сердець своихъ, и запечашлѣвали новымъ поцѣлуемъ

отрывистыя слова. Съ умиленіемъ смотрѣла на нихъ теперь вошедшая Игуменья, попомъ, подошедъ, сказала обнимая ихъ: Вы другъ друга достойны!

Не будемъ препятствоватьъ сему восхитительному торжеству соединенія! — Между тѣмъ какъ сіи при непорочныхъ сердца покоялся одно возлѣ другаго, посмотримъ назадъ. Гвидо скоро выздоровѣлъ, и все семейство опять переселилось въ Неаполь. Нежною внимательностію Ангелики и попечительнымъ спараніемъ сараго Принца, казалось, сношенія Гвидо съ его супругою дѣлались согласнѣе. Но за обманчивою тишиною слѣдовали жесточайшія бури. — Ангелика справедливо сказала, что ея отношеніе къ Гвидо можетъ легко быть нарушено; но она ошиблась думая, что супругъ ея имѣетъ довольно безприсрасшія и тонкости чувствъ, чтобы умѣть цѣнить ее.

Шумная и разсынная жизнь препяш-
 ствовала старому Принцу заниматьсѣ
 порядочно воспитаніемъ сына, кошо-
 рый возроспаль дико подь неради-
 вымъ присмопромъ наемниковъ, огра-
 ничивающихъ все воспитаніе однимъ
 ученіемъ. Необузданная пылкость
 пѣсно соединилась съ его добрымъ
 нравомъ. Рѣдко обдумываль онъ свои
 намѣренія хладнокровно; обыкновенно
 управляло имъ мгновенное впечатлѣніе;
 оно совершенно и самовластно управ-
 ляло имъ. При шаковомъ образѣ мыслей
 могла ли существовать нѣжная поща-
 да? — Гвидо любиль Ангелику пла-
 менно; ея нѣжная внимательность
 должна была пронупь его, а благо-
 родное поведеніе внушипъ уваженіе,
 которое еще увеличилось, когда опецъ
 показаль ему писменное признаніе Анге-
 лики, и увѣщеваль его жить въ сог-
 ласіи и довѣренности. Но злой духъ
 его не допускаль спокойствію посе-
 липсь въ немъ, и безпрестанно вну-

шаль ему мучительную мысль, что Ангелика его никогда не любила, никогда не будетъ любить искренно. Бывали мрачные часы, гдѣ вліяніе сего демона дѣлалось столь сильно, что нѣжная чувствительность Ангелики должна была переносить горчайшія обиды. Ни исполненные любви взоры, ни ласковыя, нѣжныя увѣщанія не могли смягчить возмущенный духъ его, и ей оставалось только оплакивать печальный жребій свой. — Другой опасный врагъ спокойствія таился въ собственной груди ея. Ахъ! ежели пробуждающемуся сердцу откажутъ въ исполненіи перваго сладостнаго желанія, то на всегда остается въ немъ неудовлетворенное влеченіе, и никогда не забывается оно совершенно поперю первыхъ надеждъ своихъ! — Сердце измѣнительно противупоставляетъ образъ любезнаго спротиву чувству обязанности и твердому намѣренію забыть его. Оно чувствуетъ, что никогда

не можеть успокоишься , чпо мучительная борьба кончится только тогда, когда сердце перестанеть биться.

Въ семъ расположеніи принялась она за бумаги своей мапери , и нашла въ оныхъ начало письма , писаннаго на канунъ послѣдней болѣзни ея. Она прочла сіи слова , возбудившія безпокойство :

Чпо вы недавно говорили о союзѣ между сыномъ Принца Бонари и моею Ангеликой , съ тѣхъ поръ не ходитъ у меня изъ мыслей. Нѣтъ , не вѣроятно , чпобы справедливая вражда , разлучающая насъ , могла когда либо прекратиться ; не вѣроятно , чпобы враги наши сдѣлали такой шагъ. — Но ежели бы сіе случилось? — Ежели бы это могло случиться? Это ужасно! — О Цицилія моя , ежели меня уже не будетъ , и

до васъ доидеть малѣйшій слухъ о такомъ соединеніи — прошивпесь, прошивустаньпте громко прошивъ него. Скажите, что я послѣдней волей изрекла торжественное, строгое запрещеніе. — Вы имѣете вліяніе на Ангелику; возбуждайпте ея ненависть противъ ужаснаго врага моего дома!... Я не знаю какое безпокойство уже нѣсколько дней овладѣло мною, что меня такъ сильно понуждаеть отккрыть вамъ причину. — Вы благочестивы и добры, другъ мой! въ вашей груди будетъ вѣрно сохранено то, что я вамъ открою. Вооружите ваше сердце противъ ужаса, долженспвующаго объять его! Я уже столь давно знакома съ симъ повѣспиваніемъ, а всѣ жилы мои содрогаются! — Слушайпте сколь жестоко насъ оскорбили!

Распроганная до глубины души, Ангелика положила лиспокъ. Тщепно

искала она въ прочихъ бумагахъ объясненія въ сей мучительной неизвѣстности. Она вспомнила, что мать ея, когда ударъ опялъ у нее языкъ, нѣсколько разъ шребовала все нужное для письма, но тщетно старалась преодолѣть свою слабость, чтобы писать, и съ примѣрнымъ безпокойствомъ скончалась. Печальная задумчивость овладѣла Ангеликой; ужасная греза превозжили сонъ ея. — Новое несчастіе поразило ее, и нанесло послѣдній ударъ сердцу ея.

Гвидо находился въ обществѣ друзей, къ коему нечаянно присоединился одинъ человекъ, съ коимъ онъ часто имѣлъ распри; злоба его питалась различными причинами. Никакая семейственная пайна не могла укрыться отъ происковъ сего человека, и онъ разсѣвалъ ее съ досаднѣйшими перемѣнами, ежели могъ только имѣть подозрѣніе о существованіи оной. Онъ-то возбудилъ

безыменною запискою ревность Гвидо-
ву. Теперь только получилъ онъ извѣ-
стіе о поединкѣ у Кавы, и пошчасъ
въ разговорѣ своемъ съ Гвидо злобно
сдѣлалъ нѣкопорыя тонкіе намеки.
Когда увидѣлъ, что они подѣйстви-
тели, то разсказалъ обществу испо-
рцію, кошорую будто бы описалъ ему
пріятель изъ Рима, въ кою помѣспилъ
главнѣйшее изъ случизпагося съ Гвидо,
и съ злобной усмѣшкою кончилъ замѣ-
чаніемъ, что ожидаетъ съ первою
почтою извѣстія, что добродушный
супругъ заключилъ пѣсный союзъ
дружбы съ соперникомъ своимъ. Гвидо
скрылъ ярость свою, и до тѣхъ поръ
раздражалъ разскащика, что по жела-
нію его воспослѣдовалъ вызовъ. Не-
доспойный былъ тяжело раненъ, но
ярость Гвидо тѣмъ не удовольствво-
валась, а обратилась на несчастную
супругу свою. Она не знала ничего о
помѣ, пошому что дѣло рѣшили на
мѣспѣ; но пошчасъ замѣспила, что

душа его въ сильномъ раздраженіи, когда онъ , возврапясь опть поединка , дико взглянулъ на нее и бросился въ кресла. Съ учаспіемъ подошла она къ нему и сказала нѣжнымъ голосомъ: Гвидо, должна ли я прежде спросить , что терзаешь пвою душу?.. Ты не можешь меня по ласковѣ привѣщсшвовать? Прочь! вскричалъ онъ , и съ гнѣвомъ опшполкнулъ руку , копорую она положила на его плечо. Я презираю вашу припворную нѣжностъ , продолжалъ онъ , помолчавъ , съ язвительною горячностъю. Глубоко попрысенная , сплеснула она руками , посмотрѣла на небо , и гореспно сказала : о Боже мой , до чего я дошла! — унала на софу. Видъ мой не будетъ васъ беспокоить , сказалъ Гвидо вспавая — думайте безпрепятспвенно объ немъ , пишите къ нему — къ возлюбленному вашему ! — Онъ спѣшилъ къ дверямъ , Ангелика вскочила и , схвативъ его руку , вскричала: Гвидо ! вы весьма несправедливъ ! онъ вырвался и

захлопнулъ дверь. — Спарый Принцъ ,
 вошедшій вскорѣ попомъ , нашель ее
 въ слезахъ. Такъ какъ она скрывала
 опъ него причину горести своей , то
 онъ сѣлъ подлѣ нее и , взявъ ее руку , ска-
 залъ: Вы щепно шайшесь опъ меня,
 любезная ! нѣсколько времени уже я
 замѣчаю , что согласіе между вами
 возмущено. Вы несчастны , и меня
 всегда будетъ мучить мысль , что я
 также виновникъ тому. — По силь-
 ной просьбѣ его рассказала она , что
 произошло между ею и Гвидо , копо-
 раго онъ видѣлъ выбѣжавшимъ поспѣш-
 но изъ ея комнаты. Я весьма несчастна ,
 ежели Гвидо меня такъ худо знаетъ!....
 Хопише ли вы быль моимъ ходашаемъ
 у вашего сына — касательнo просьбы,
 копорую онъ , можетъ быль охотно
 исполнить? Игуменя монастыря близъ
 М**** была искреннимъ другомъ моей
 матери. Я желала бы удалиться въ ея
 уединеніе , чтобы усердной , неразвле-
 ченной молишвою возстановишь свое

спокойствіе , да и супругу моему испросишь у Бога счастья и спокойствія. Ежели Гвидо меня опять потребуешь , я съ радостію полечу въ его объятія ; ежели онъ меня не позоветъ , то окончу тамъ дни свои , какъ лично несчастной , коей вся жизнь должна бытъ покаяніемъ ! — Я не хочу прошивишься вашему желанію , сказалъ пронупый Принцъ , но вы скоро возвратитесь и будете счастливы. — Счастлива? О нѣтъ ! любезный бапюшка , никогда не буду я счастлива ! сказала Ангелика печально улыбнувшись , и шихо пожала руку его. Исполненный сердечнаго учаспія , оспавиль онъ несчастную , и пошелъ къ сыну , который признался ему въ причинѣ своей вспыльчивости. Узнавъ сіе новое несчастіе , сокрушенный отецъ ходилъ взадъ и впередъ по комнатамъ съ поникшею головою. Онъ находилъ въ немъ сугубую причину согласишься на

желаніе Ангелики, надѣясь, что кратковременная разлука успокоитъ возмущенный духъ Гвидо; попомъ хопѣлъ отправишь его съ Ангеликой въ свои Сицилійскія помѣстья, гдѣ для него легко откроешь кругъдѣятельности.— Въ шеперешнемъ сословіи своемъ, Гвидо не прошивился желанію супруги своей: отецъ умѣлъ расположитъ его такъ, что онъ въ умиленіи поспѣшилъ къ ней, чпобъ испроситъ прощеніе и уговоритъ ее отказатья отъ своего желанія. — Это будетъ хорошо для насъ обонхъ, Гвидо! сказала Ангелика не перемѣняя намѣренія своего, и онъ согласился съ условіемъ, что разлука продолжится не болѣе мѣсяца. Въ сопровожденіи Беатры, взятой ею недавно къ себѣ, отправилась она на другой день. Дружеству Игуменьи вѣрила она спраданія свои; до полуночи осталась она у любезной гостыи, коей охотно бы рассказала о Геліодо-

рѣ , ежели бы не хотѣла пригоп-
вить нечаянную радость , въ чемъ
однако случай предъупредилъ ее на слѣ-
дующее утро.

Геліодора и Ангелика , насладившись
въ безмолвномъ воспоргѣ сей желанной
минутой соединенія , провели большую
часть утра въ повѣспованіи , кои
Геліодора дѣлала участвующему другу,
частью про себя , частью о судьбѣ
Серены. Сидя подлѣ нее , она часто
прерывала повѣспованіе свое нѣмымъ
объяніемъ или ласковымъ привѣсп-
віемъ , которое прошептывала Ангели-
кѣ припадая къ ея груди. Она сама
увѣдомишь себя обо всемъ , моя Анге-
лика , сказала Геліодора , сообщивъ
всѣ извѣстныя ей обстоятельствова , и
пошла за ларчыкомъ своей шапери.
Ангелика , опкрывъ оный съ уваже-
ніемъ и вынувъ бумаги , поцѣловала
почеркъ почтенной руки. Друзья наз-

начили вечерній часъ , чпобы въ уединенномъ кабинетъ Игуменьи вмѣстѣ прочесъ наследіе Серены , и безъ помѣшательства предавъся воспоминанію о любезной покойницы.

Онѣ распались. Геліодора пошла въ садъ , и предалась совершенно чувствамъ, наполнявшимъ сердце ея. Сколько миль и прелестенъ ни мечтался ей образъ Ангелики, споль слабымъ нашла она его шеперь, когда желаніе ея исполнилось. Она удивлялась, что не узнала ее съ перваго взгляду и не бросилась въ ея объятія. Не почувствовала ли я топчасъ сильное влеченіе къ ней! тайное чувство говорило мнѣ : Она тебѣ не чужда ! Съ воспоминаніемъ о Ринальдѣ впала она въ сомнѣніе. Въ повѣствованіе своемъ она тщательнo избѣгала упоминать о немъ ; но присутствіе его не долго могло оспасться безъизвѣстнымъ для Ангелики. Не

повѣришь ли ей самой сію сладостную тайну своему другу? Она не должна, она уже не хочетъ любить его! говорило ей сердце — а кому же она его охотнѣе уступитъ можетъ, какъ не мнѣ? Занимаясь сими мыслями, увидѣла она бѣгущую къ ней Беапу. Ужасъ изображался на лицѣ ея, губы дрожали, и она едва могла объяснить невнятными словами, чѣмъ Геліодора постигла къ Ангеликѣ, лежащей въ обморокъ. — Несчастливая, между тѣмъ какъ Беапа ее одѣвала, взглянула на бумаги; начало привлекло ее, она продолжаетъ чтеніе и получаетъ ужасныя объясненія. Съ громкимъ крикомъ упадаетъ она; испуганная Беапа зоветъ на помощь Игуменя; монахини прибѣгаютъ и спешатся возвратитъ ей жизнь. Геліодора! сказала она, пришедъ въ чувство въ объятіяхъ Игуменя и не нашедъ ее глазами между предстоящими. Въ сію минушу,

запыхавшаяся Геліодора бросается въ комнату , видишь Ангелику лежащую на софѣ и проспиряющую къ ней объ руки ; она повергается въ нихъ ; Ангелика ее крѣпко объемлетъ , и , скрывая блѣдное лице свое на груди дѣвушки , говоритъ слабымъ голосомъ :
Сестра моя !

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

